

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭДМУНД
КРИСПИН

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

ЛЮБОВЬ ПОКОИТСЯ
В КРОВИ

Золотой век английского детектива

Эдмунд Криспин

**Лебединая песня. Любовь
покоится в крови (сборник)**

«АСТ»

1947, 1948

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Криспин Э.

Лебединая песня. Любовь покоится в крови (сборник)
/ Э. Криспин — «АСТ», 1947, 1948 — (Золотой век
английского детектива)

ISBN 978-5-17-095898-6

Первая послевоенная постановка «Мейстерзингеров» Вагнера. Оперный театр в Оксфорде собрал лучшую труппу. Но незадолго до премьеры Эдвин Шортхаус, исполняющий главную партию, был найден повешенным в собственной гримерке. Полиция считает это самоубийством, ведь комната была заперта изнутри. Однако прибывший на место преступления Джервейс Фен уверен – Шортхауса, в ком талант сочетался с невероятно вздорным характером, убили... В респектабельной частной школе для мальчиков совершено двойное убийство: кто-то застрелил молодого учителя Сомерса и протежировавшего его Лава. Полиция в недоумении, особенно когда выясняется, что на следующий день в соседней деревушке убита пожилая вдова миссис Блай. Профессор Фен, помогающий полиции вести расследование, подозревает, что все эти три убийства тесно связаны, более того, причины случившегося следует искать в старинных бумагах, которые миссис Блай нашла в своем доме во время ремонта...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-095898-6

© Криспин Э., 1947, 1948

© АСТ, 1947, 1948

Содержание

Лебединая песня	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	41
Глава 11	47
Глава 12	51
Глава 13	54
Глава 14	57
Глава 15	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эдмунд Криспин
Лебединая песня.
Любовь покоится в крови

Edmund Crispin
SWAN SONG
LOVE LIES BLEEDING

© Rights Limited, 1947, 1948
© Перевод. Л. Г. Мордухович, 2016
© Перевод. В. Н. Соколов, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Лебединая песня

Посвящается Годфри Сэмпсону

Дорогой Годфри!

Ты не любитель подобных историй с убийствами, я это знаю. И конечно, не стал бы посвящать тебе эту вещь, если не «Мейстерзингеры». Тут уж невозможно было удержаться. Ведь это ты приобщицл меня к благородному делу служения музыке еще в то время, когда я прогуливал уроки фортепиано. Тогда-то и началась наша дружба.

История, рассказанная в этой книге, произошла среди людей, занимающихся не просто музыкальным творчеством, а участвующих в постановке одного из шедевров Вагнера. Так прими мое посвящение, и будем надеяться, что это выдающееся создание мастера вернется наконец на сцену «Ковент-Гардена». И при этом не возникнут коллизии, описанные на следующих страницах.

Твой Э. К.

Девон, 1946

Глава 1

Замечено, оперные певцы большим умом не отличаются. Такое впечатление, что это своего рода расплата за особое устройство гортани, голосовой щели и всего прочего, предназначенного для издания приятных нашему слуху звуков. Провидение по странному капризу награждает певцов разумом, какой можно встретить разве что у домашних птиц. Соответствующим воспитанием этот дефект можно смягчить, но уж никак не исправить. Потому мы и сталкиваемся с чрезмерной обидчивостью странными причудами. В театрах подобных певцов приходится встречать чаще, чем где бы то ни было. Можно, конечно, вспомнить балетных танцовщиков, они тоже в большинстве своем наивные и недалекие, но все же не настолько. Разумеется, с данным утверждением любой вправе не согласиться, однако позвольте мне остаться при своем мнении.

Элизабет Хардинг, несомненно, тоже была об этом наслышана, а недавно убедилась воочию, регулярно посещая репетиции «Кавалера розы». При этом она почти сразу выделила Адама Лангли. Он являл собой приятное исключение, ибо в отличие от большинства коллег был, несомненно, умен, образован и приятен в общении. К тому же красив. Качества в совокупности весьма редкие в этой среде.

И тут случилась нечто невероятное. Элизабет, которая любую ситуацию оценивала трезво и основательно, а благодаря своим способностям, твердости характера добилась в жизни устойчивого положения, вдруг взяла и влюбилась в Адама Лангли. У него, возможно, были недостатки, но она о них и думать не хотела.

В моменты просветления она осознавала, что находится в плену безрассудной страсти, и удивлялась, как это могло случиться. Она, критически мыслящая молодая женщина двадцати шести лет, ухитрилась так низко пасть и скатиться до состояния, которое за неимением подходящего слова всюду называют любовью. Это же так избито и банально, а подобных любовных историй вокруг и не счесть. Со своими симптомами ей бы лучше обратиться к врачу. Но ничто не помогало. Она продолжала думать об Адаме, особенно вечером перед сном, и, к своему ужасу, осознавала, что никакого унижения не испытывает, а наоборот, это чувство так восхитительно кружит голову, возбуждает, оживляет, радует.

Элизабет теперь уже и не могла вспомнить, как это случилось. Внезапно, без всякого, так сказать, развития. Только что Адам Лангли был для нее – да, конечно, милым и приятным, но все равно одним из солистов оперной труппы, – как в следующее мгновение вдруг сделался самым необходимым на свете, а все остальные вокруг отошли в тень и поблекли. Чувства Элизабет были сродни трепету монахини, которую в ее обители посетил архангел. «Влечет меня твой нежный лик...», – вспоминались ей строчки из оды «Прозрения бессмертия» Уильяма Вордсворта.

А что же Адам? А ничего. Он, оказывается, о чувствах Элизабет и не ведал. Адам Лангли, симпатичный, видный, кареглазый, был необыкновенно доверчив, скромен и с женщинами робок. Да, да, представьте себе, именно таким он и был в тридцать пять лет. Ему, ясное дело, многие девушки оказывали знаки внимания, а он в ответ лишь учтиво улыбался, потупив взгляд. Влюбленности, какие у него были, даже и вспоминать не стоит. Все как-то получалось нелепо и неуклюже.

В общем, до сей поры женщины в его жизни играли роль весьма незначительную, и, видимо, по этой причине он не замечал чувств Элизабет. Она для него прежде всего была писательницей, присутствующей на репетициях «Кавалера розы» с целью изучения обстановки, что было нужно для ее нового романа.

Правда, однажды во время перерыва репетиции под фортепиано режиссер Карл Вольцоген в разговоре с ним заметил, поглядывая на Элизабет:

– Какая прелесть. Если бы она могла петь... о, мой друг, лучшего Октавиана трудно было бы вообразить.

Вот тут-то Адам Лангли и начал присматриваться к Элизабет. И что же он увидел? Невысокая, необыкновенно стройная голубоглазая красавица с великолепными темно-русыми волосами. Слегка вздернутый нос и изящно выгнутые брови придавали ей слегка насмешливый вид. Голос Элизабет низкий, живой, с приятной хрипотцой. Помада на губах у нее была наложена с редким умением, и Адам это сразу оценил, поскольку ему казалось, что большинство женщин выполняет эту процедуру скорее всего перед кривым зеркалом или во время приступа пляски святого Витта. Одета она была дорого, но скромно. И это тоже Адаму понравилось.

Что касается характера, то позднее Адам убедился насколько сдержанна, уравновешенна Элизабет Хардинг и при этом нисколько не скучна. В ней также не было и намека на высокомерие, чего он не переносил. Впоследствии Адам решил, что их браку весьма способствовали два уважаемых мэтра – Рихард Штраус и Гуго фон Гофмансталь – композитор и либреттист оперы «Кавалер розы», в которой главные партии они отвели трем сопрано и басу. А тенору Адаму режиссер всучил небольшую неинтересную партию итальянского интригана Вальцакки, а потому значительную часть времени на репетициях он оказывался свободным и имел возможность больше общаться с Элизабет. Впрочем, для него это было всего лишь приятное знакомство. Он по-прежнему оставался слепым к чарам Элизабет и глухим к намекам, выводя ее этим из себя. Некоторое время она пребывала в смятении, не зная, как поступить. Открыто проявлять инициативу было нельзя, в ответ он бы насторожился. Тем более что любые такого рода движения со стороны Элизабет, учитывая ее обычную сдержанность, несомненно, выглядели бы несообразными и фальшивыми.

Шли дни, и до нее наконец дошло: нужен посредник, иначе ситуацию не разрешить. За пределами театра общих знакомых у них не было, а внутри нашелся лишь один человек. Ведь для этого нужна была женщина, притом зрелая, искушенная, здравомыслящая, имеющая с Адамом приятельские отношения. К этой роли как нельзя лучше подходила Джоан Дэвис, сопрано, исполнявшая в опере партию княгини Верденберг, маршалыши.

К ней на квартиру однажды вечером и отправилась Элизабет.

Комната, куда ее проводила пожилая, с тяжелой поступью, горничная, порядком не отличалась. Горничная, видимо к этому привычная, объявила о приходе Элизабет и ворча принялась раскладывать вещи по местам, а затем удалилась, что-то бормоча под нос.

Джоан вздохнула:

– Бедная Элси никак не примирится с моей безалаберностью. Садитесь, дорогая, и давайте чего-нибудь выпьем.

– Я вас не отвлекла от дела?

Джоан улыбнулась, показывая на шелковое платье:

– Видите, взялась кое-что подшить, но я прекрасно могу этим заниматься и разговаривая с вами, дорогая. Так что будем пить? Джин или?..

Они поболтали о пустяках, затем Элизабет с непривычным для себя смущением приступила к изложению цели визита:

– Я по поводу Адама... понимаете, я...

Джоан ласково улыбнулась:

– Мне все понятно, дорогая. Вы им... увлечены.

Эта высокая стройная женщина лет тридцати пяти была необыкновенно элегантна и мила. Искушенность в ней весьма удачно сочеталась с озорной веселостью.

– Это так заметно? – растерянно спросила Элизабет.

– Конечно. Всем, кроме Адама. Я даже как-то подумывала, не раскрыть ли ему глаза, но все же решила, что не стоит вмешиваться в чужие дела.

– Вообще-то именно об этом я пришла вас попросить, – проговорила Элизабет, краснея.

– Как забавно, моя дорогая. Не сомневайтесь, я выполню ваше поручение с большим удовольствием. – Джоан замолкла, размышляя. – Адам человек, скажем так, не слишком наблюдательный, но зато в высшей степени добросердечный. Благослови Господь вас обоих. Я завтра же этим и займусь.

И она этим занялась. Отвела Адама в артистическую гостиную и сообщила то, о чем он совершенно не подозревал. Тенор что-то бормотал в ответ неуверенным, слабым голосом. Джоан послушала и оставила его поразмышлять, а сама вернулась на репетицию.

Удивление Адама вскоре сменилось радостью, и он почувствовал себя совершенно счастливым. Его восприятие мира неожиданно обострилось, как будто сняли пелену и стало явным то, чего он прежде непостижимым образом не замечал. Всего десять минут назад Адам видел в Элизабет всего лишь приятную знакомую, а теперь горел нетерпением сделать ей предложение руки и сердца.

Его вызвали на сцену, где он с огромным удовольствием принял участие в расстройстве планов тупого и грубого барона Окса фон Лерхенау.

Когда же Адам наконец встретился с Элизабет, его вновь одолела робость. Дело дошло до того, что он целую неделю не нашел ничего лучшего как избегать ее, заставив свою возлюбленную – да, да, теперь уже возлюбленную – предаться печали. Шли дни, и Элизабет начало казаться, что известие о ее чувствах вызвало у него раздражение, а он не находил места, корил себя за нерешительность, не в силах ее преодолеть.

В конце концов Адам заставил себя действовать. Это случилось накануне репетиций в костюмах. Собравшись с силами, как будто ему предстояло участвовать во взятии вражеского города, а не делать предложение женщине, относительно которой было точно известно, что он ей нравится, Адам отправился для разговора.

Элизабет сидела в зрительном зале со спокойным, независимым видом на красном бархатном сиденье в центре первого ряда подобно бриллианту в драгоценной оправе. Ее окружало великолепие интерьера в стиле рококо. По обе стороны от едва заметной в полумраке королевской ложи в мягком сиянии позолоты расходились лучами ярусы. Вокруг колонн витали нежные херувимы Буше. Свисающая с потолка огромная люстра чуть покачивалась от сквозняка. Хрустальные подвески мерцали отраженным от сцены светом, как светлячки. Адам остановился, ошеломленный открывшейся ему красотой. Окружение вполне соответствовало тому, о чем он собирался ей сказать, но Адам медлил. Затем, посмотрев на часы, оценил происходящее на сцене и, убедившись, что репетиция закончится самое большее через полчаса, пригласил Элизабет на ужин.

В ресторане на Дин-стрит они сели за столик с лампой под красным абажуром в довольно многолюдном зале первого этажа. Их обслуживал весьма словоохотливый официант-киприот, невысокий, подвижный. Адам заказал очень дорогое красное вино и, сознавая назойливость официанта, отложил объяснение до кофе.

Но и тогда все как-то не клеилось.

– Элизабет, – начал он, – понимаете, я... ну, мне хочется сказать, что...

Она понимающе кивнула:

– И что же вы хотите мне сказать, Адам?

– А то, что я... вас люблю, – выпалил он и, как-будто боясь забыть текст, поспешно продолжил: – И прошу выйти за меня замуж. – Адам на полсекунды замолк, а затем добавил: – Да, замуж, – и посмотрел на нее с неуместным вызовом.

Элизабет улыбнулась: «Ну что взять с этого милого застенчивого идиота. Можно подумать, что он не замуж меня зовет, а вызывает на дуэль».

Заметив приближающегося официанта, она не стала медлить с ответом:

– Адам... ну, во-первых... спасибо. А во-вторых, такие решения принимают не сразу. Мне нужно подумать.

– Желаете ликер? – проговорил материализовавшийся рядом официант. – «Драмбуи», «Куантро», «Крем де Менте», один напиток прекраснее другого.

Адам, когда худшее миновало, заметно осмелел.

– Да что тут думать, дорогая Элизабет, решайтесь.

– У нас есть еще шартрез и замечательная водка, – не унимался официант.

– Да уйдите вы наконец, – буркнул Адам и посмотрел на Элизабет.

– Конечно, я согласна, дорогой, – произнесла наконец она. – Я вас обожаю.

– О поздравляю вас, сэр! – радостно воскликнул официант. – И вас, мадам. Позвольте принести вам бутылку прекрасного шампанского.

При расчете Адам вручил ему очень щедрые чаевые.

Медовый месяц они провели в Бруннене. Окна их номера как раз выходили на Люцернское озеро. При посещении Музея Вагнера в Трибшине Адам не удержался и сыграл вступительные такты из «Тристана и Изольды» на рояле Вагнера работы Себастьяна Эрарда. Они купили открытки под старину и разослали друзьям.

То, что новобрачные испытывали все это время, можно было без преувеличения назвать блаженством.

Однажды, когда они стояли на своем балконе, глядя на озеро, ставшее аметистовым в лучах закатного солнца, она сказала:

– Как замечательно, дорогой, что нашему счастью помешать никто не может.

Дальнейшие события показали, как Элизабет ошибалась. Нашелся кое-кто, готовый испортить им праздник.

Глава 2

Эдвин Шортхаус в «Кавалере розы» пел партию Окса. Он тоже во время репетиций познакомился с Элизабет. И не только познакомился, но и влюбился. Впрочем, надеяться на взаимность у него не было никаких оснований. В данном случае особенно. Вы без труда поймете, сравнив этого грузного некрасивого мужлана среднего возраста с Адамом. К тому же вечно пьяного. Он как нельзя лучше соответствовал своему персонажу из оперы Штрауса, толстому, вульгарному распутнику барону Оксу фон Лерхенау, чем, кажется, сам тяготился, ощущая это скорее интуитивно, поскольку оценить умом вряд ли был способен. Надо сказать, с женщинами у Эдвина Шортхауса никогда не ладилось. В том смысле, что они ему нравились, а он им нет. Отсюда у него развились разнообразные не очень приятные комплексы, в том числе и склонность к пьянству.

Возможно, он вынашивал какие-то планы в отношении Элизабет, потому что ее брак с Адамом основательно вывел его из равновесия. А поскольку Эдвин особой деликатностью не отличался, то он начал вести себя с этой парой, прежде всего с Адамом, грубо и вызывающе. Надо добавить, что Эдвин Шортхаус был чрезвычайно тщеславен, ибо являлся, как говорится, певцом от бога. Лучший бас английской оперы. Это обстоятельство придавало ситуации дополнительную остроту. Он ни разу не приближался к Элизабет ни с какими предложениями, но все равно воспринял ее свадьбу с Адамом очень болезненно.

Джоан Дэвис уговаривала Элизабет не обращать внимания.

– Моя дорогая, Эдвина интересуют женщины вообще, а не какая-то конкретная особа. Можете быть уверены, как только на горизонте появится очередная дама с прекрасной фигурой, он вас сразу забудет.

Элизабет не могла понять причину такого несдержанного поведения Эдвина Шортхауса.

– Мы почти не общались. Я, конечно, заметила его внимание, но...

– Я тоже, – сказала Джоан. – Он буквально раздевал вас глазами.

Элизабет кивнула.

– Но я его никак не поощряла. Так что это хамство в чистом виде и больше ничего.

У Адама было другое мнение. Он считал, что Шортхаус влюблен по-настоящему, и внутри этого массивного непривлекательного тела вспыхнуло пламя, разрушившее Трою и державшее в кабале Антония во дворце Клеопатры у Нила.

– Иными словами, это l'amour¹, – заключил он. – Да, скорее в восточном духе, а не возвышенная европейская, но он не успокоится и будет продолжать хамить.

Так оно и случилось. К сожалению, Адаму довольно часто приходилось проводить время в обществе Шортхауса и терпеть его презрительные усмешки и оскорбительные замечания, за которыми угадывалась острая ненависть. Вдобавок ко всему этот негодяй стал распространять об Адаме разные компрометирующие слухи. Дело дошло до того, что тенору даже отказали от дома, где он бывал несколько лет. Причем без всяких объяснений. Поначалу наивный Адам не понимал, в чем тут дело, пока его на этот счет не просветили. Но он все равно продолжал вести себя с Шортхаусом как будто ничего не случилось. Ведь Адам с уважением относился к своей работе, а они участвовали в одном спектакле, и открытый конфликт был крайне нежелателен.

В свадебное путешествие они уехали после того, как прошел «Кавалер розы», а вернувшись из Швейцарии, поселились в доме в Тандридж-Уэллс. Молодожены так погрузи-

¹ Любовь (фр.) – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

лись в обустройство хозяйства, что некоторое время ни о чем другом не могли и думать. К тому же на этот раз ангажементы Адама и Эдвина Шортхауса были в разных театрах.

В ноябре они оба подписали контракты на участие в опере «Дон Паскуале». На первую репетицию Адам отправился с тяжелым чувством и вернулся домой в замешательстве.

– Что-то случилось? – спросила Элизабет, встречая его в прихожей.

– Да, – ответил он. – Эдвин изменился.

– Что значит изменился? Перестал хамить?

Они перешли в гостиную, где в камине пылал огонь. Элизабет налила в рюмки херес.

– Перестал не то слово. Он теперь предупредителен и дружелюбен сверх меры.

– Может быть, осознал и устыдился?

– Маловероятно.

– Почему ты отказываешь ему в человечности? Ведь у него была мать.

– У безумного и развращенного сверх всякого предела римского императора Гелиогабала тоже имелась мать. У всех у нас были матери... Понимаешь, в поведении Эдвина чувствуется какая-то фальшь. Он не искренен.

– Но все равно так лучше, чем открытая враждебность.

Адам покачал головой:

– Не знаю. Это похоже на поцелуй Иуды.

– Не драматизируй, а кроме того, не проливай херес на ковер.

– Извини, я не заметил, – смутился Адам.

– В любом случае, – задумчиво продолжила Элизабет, – я не вижу, чем он может тебе еще навредить.

– Может быть, что-нибудь нашепчет Леви?

Элизабет пожала плечами:

– Да нет. Антрепренер Леви, я думаю, знает цену Эдвину.

– Наверное, ты права. – Адам повеселел. – Ладно, посмотрим, как все будет развиваться дальше. А у тебя что нового?

– Днем пришло письмо, а в нем заказ. И очень выгодный.

– Поздравляю. Новый роман?

– Нет. Серия интервью для воскресных выпусков газеты.

– Интервью?

– Да. С частными детективами.

– Неужели?

– Тебя это удивляет? – Элизабет чмокнула его в щеку. – Мой дорогой, ты еще многое обо мне узнаешь. К твоему сведению, мои первые книги были посвящены популяризации криминологии. Так что я в этом вопросе совсем не дилетантка. Прочитала гору литературы.

– И когда начнешь?

– Да прямо завтра с утра напишу и разошлю кучу писем всем своим знакомым.

– А знаешь, у меня тоже есть знакомый детектив. Он занимается частным сыском и не служит в полиции. Профессор Фен преподает английский язык и литературу в Оксфорде.

Элизабет кивнула:

– Помню такого. Перед войной он раскрыл дело, связанное с магазином игрушек. Ты должен меня с ним познакомить.

– Обязательно. А пока, Элизабет, занимайся остальными, у тебя их много, а Фена оставим на январь. После Нового года в Оксфорде намечается постановка «Мейстерзингеров», вот тогда мы с Джервейсом Феном и встретимся.

Репетиции «Дона Паскуале» прошли без инцидентов. Шортхаус общества Адама не искал, но был неизменно приветлив. А потом сразу после второго представления оперы случилось неожиданное.

Адам задержался за кулисами, беседуя с режиссером насчет одной мизансцены, потом, когда вошел в гримерную, с удивлением обнаружил там Шортхауса в длинном халате с баночкой крема для снятия грима в руке. При появлении Адама он поспешно вернул ее на место. Шортхаус был по-прежнему в гриме и парике, и Адам подумал, что у того кончился крем, а поскольку их гримерные расположены рядом, то он решил позаимствовать у соседа. Однако вскоре выяснилось, что крем был лишь поводом для визита.

– Послушай, Лангли, – произнес Шортхаус, изрядно насытив воздух парами джина, – полагаю, у тебя есть причины на меня обижаться. Признаюсь, я вел себя довольно скверно.

Смущенный Адам вяло пробормотал в ответ что-то невнятное. Шортхаус понимающе кивнул и продолжил доверительным тоном:

– Я пришел к тебе извиниться. Да, извиниться за свое недостойное поведение.

– Да полно тебе, – принялся успокаивать его Адам. – Я вовсе не обижаюсь. Все в порядке.

Шортхаус оживился:

– Так мы можем быть друзьями?

– Друзьями? – проговорил Адам упавшим голосом. – Да, конечно.

– Спасибо, дорогой. Я восхищаюсь твоим великодушием.

Адам снял парик и повесил на крючок.

Шортхаус постоял с минуту, переминаясь с ноги на ногу, затем нарушил молчание:

– Сегодня, кажется, был аншлаги.

– Да, аншлаг, – подхватил Адам. – Публика смеялась довольно часто. Ты заметил?

– Да, конечно. Так ведь опера замечательная.

– Замечательная, – согласился Адам.

– А твоя партия Эрнесто просто жемчужина спектакля. Меня особенно восхищает драматическая ария во втором акте «*Cercherò lontana terra*»².

Адам молчал, не зная, что ответить.

Шортхаус встрепнулся:

– Ладно, пойду сниму с лица эту дрянь.

– Если у тебя закончился крем, то ты можешь...

Шортхаус замотал головой:

– Нет-нет, большое спасибо. Я только посмотрел, какой ты используешь. До завтра.

– Да, – растерянно проговорил Адам. – До завтра.

Он с огромным облегчением посмотрел на закрывающуюся за Шортхаусом дверь и начал переодеваться. Неожиданное преображение Эдвина поставило его в тупик. Он пришел с извинениями. Такого еще не бывало.

Адам продолжал размышлять об этом по пути домой, а придя, тут же все выложил Элизабет.

– Он интересовался кремом для снятия грима? – спросила она. – Это тот, что я тебе купила?

– Нет, старый. А твой я храню отдельно и только недавно открыл. – Он вздохнул. – Впредь придется держать гримерную запертой.

– Я рада, что он наконец перестанет трепать тебе нервы.

– Я тоже, но... – Адам задумался. – Знаешь, дорогая, мне все же не верится. Этот Тартюф просто так ничего не делает. Иногда мне кажется, что он способен даже на убийство.

² Пойду искать далекие края (*ит.*).

Адам тогда и не думал, насколько был близок к истине.

Глава 3

В конце января в унылый промозглый день Адам и Элизабет отправились в Оксфорд. Адам отворачивался от холодного ветра, прижимая плотнее к горлу толстое кашне. Для него простудиться сейчас было бы катастрофой. К счастью, поезд хорошо отапливался, так что беспокоиться не следовало. На вокзале они взяли такси до отеля «Булава и скипетр», где у них был забронирован номер. Адам помог Элизабет распаковать и разложить вещи, а затем они спустились в бар, где с радостью увидели Джоан Дэвис, которая одна за столиком потягивала сухой martini.

От нее Адам узнал, что партию Давида будет исполнять молодой певец из Германии Фриц Абельхайм, а партию пекаря – Джон Барфилд. Сакса, разумеется, будет петь Эдвин Шортхаус, а Вальтера и Еву – Адам и Джоан.

– А ты знакома с дирижером? – спросил Адам. – Что за человек этот Пикок?

Джоан улыбнулась:

– Я с ним знакома, но не близко. Джордж достаточно молод и невероятно обаятелен. «Мейстерзингеры» его первая большая работа, и он наверняка будет экспериментировать. Теперь нам придется забыть то, что мы делали раньше, и усердно ему помогать.

– Но он хоть чего-то стоит?

– Увидим. Но, я думаю, Леви не стал бы его приглашать, будь он бездарен. У Леви на хороших оперных дирижеров особый нюх.

– А кто режиссер?

– Дэниел Резерстон.

– Этот меланхолик? Понятно. А помогает ему, конечно, Карл?

– Да. Он вне себя от радости. Ты же знаешь, какой Карл фанатик Вагнера. Тем более что только недавно разрешили ставить его оперы. Я так и не знаю, почему во время войны Вагнера запрещали.

– Его считают идейным вдохновителем нацизма, – пояснил Адам. – И не без оснований. Оперы Вагнера, взять хотя бы цикл «Кольцо нибелунга», возвеличивающие германский дух, с энтузиазмом приняли нацисты во главе с Гитлером. Вагнер считался главным композитором Третьего рейха. Хотя конечно, в чувствах, которые пробуждают произведения Вагнера, нет ничего плохого. В конце концов, он умер за пятьдесят лет до того, как наци пришли к власти. Извини, увлекся. Я ведь могу рассуждать на эти темы до бесконечности. – Он улыбнулся. – Ты ведь бывала за границей?

– Да, – ответила Джоан. – В Америке. Пела в «Богеме» и чуть не умерла там от обжорства. Тебе следует побывать в Штатах. Вот где настоящая еда.

Они втроем провели приятный вечер и рано легли спать. В десять утра начиналась репетиция под фортепиано. Хмуро поглядывая на пепельно-серое небо, Адам и Джоан дошли до оперного театра на Бомон-стрит.

Оксфорд, надо сказать, составлял приятное исключение, поскольку в Англии оперное искусство, насколько возможно, развивать избегали. Предпочитали более приятные развлечения, например кино и футбол. Так что театр, расположенный на углу улиц Бомон и Сент-Джон с прилегающей сзади территорией Колледжа Вустера, был заметной достопримечательностью. Как и для большинства зданий в Оксфорде, на его постройку пошел камень, добываемый в карьере Хэдингтон.

Вестибюль оформлен скромно, но со вкусом. Зеленые ковры и бюсты великих оперных композиторов – Верди, Моцарт, Вагнер, Глюк, Мусоргский и непонятно как попавший в эту компанию Брамс. За свою, к сожалению, не очень долгую жизнь (он умер в шестьдесят три

года) этот гений не написал ни одной оперы, хотя неоднократно делал попытки. Возможно, за них его бюст здесь и поставили.

Зрительный зал в театре оказался сравнительно невелик, но сцена, оркестровая яма и кулисыгодились для постановки самой крупной оперы. Сцена была оснащена весьма сложным современным оборудованием, в устройство которого не стоит и вникать. Гримерные, более комфортабельные, чем обычно, располагались на двух этажах, и в распоряжении артистов имелся даже небольшой лифт.

Но Адам и Джоан никаких красот вокруг не заметили. Они через служебный вход направились прямо в репетиционный зал, где большинство артистов уже собрались вокруг большого рояля. Кроме нескольких легких стульев, никакой мебели в зале не имелось. На стене висела чуть перекошенная фотография Пуччини. На ней великий композитор был похож на продавца мороженого с жанровых картин эпохи Эдуарда.

Дирижер Пикок сразу понравился Адаму. На вид чуть старше тридцати. Высокий, рыжеволосый, худощавый, спокойный, опрятно одетый. Рядом стоял Карл Вольцоген, коренастый крепкий немец, весьма энергичный для своих семидесяти. За роялем Кейтнесс, немногословный угрюмый шотландец. Неподалеку Эдвин Шортхаус явно мучился с похмелья. Тут же Джон Барфилд, исполнитель партии Котнера. Остальные участники спектакля к событиям последующих двух недель отношения не имели, так что упоминать их здесь нет необходимости. Поскольку оперные певцы в Англии наперечет, то Адам, конечно, их всех знал.

Репетиция проходила как обычно. Вскоре всем стало очевидно, что Пикок свое дело знает. Артистов лишь удивляло, с какой непривычной кротостью его указания выслушивает Эдвин Шортхаус. «Это не к добру», – подумал тогда Адам. И как в воду глядел.

Правда, репетиции под фортепиано прошли более или менее гладко. Неприятности начались, когда подключился оркестр. Тогда же случился один инцидент, о котором следует рассказать.

В понедельник репетиция закончилась последней сценой третьего акта. В шесть исполнители разошлись. В репетиционном зале остались лишь Джоан Дэвис и Пикок, чтобы обсудить кое-какие особенности ее партии. В семь они распрощались. Пикок ушел, а Джоан поднялась в свою гримерную одеться. Проходя мимо гримерной хористок, дверь которой была открыта, она увидела следующую сцену: пьяный до невменяемости Шортхаус повалил молодую девушку и пытался ее раздеть. Надо сказать, что в последние дни Эдвин Шортхаус, как говорится, не просыхал, хотя на его исполнении это не отражалось. Пел он всегда великолепно. Девушку звали Джудит Хайнс. Она была хористка и осталась в гримерной, чтобы заняться своим костюмом. Он ей плохо подходил.

Джудит сопротивлялась, но перевес оказался на стороне грузного пьяного Шортхауса. Джоан пришлось вмешаться. Женщина она была крепкая и не из слабонервных. Какие меры Джоан приняла, уточнять не будем. Важно, что Шортхаус успокоился. Повалился на бок и затих.

Джоан посмотрела на девушку, которая судорожно оправляла платье.

– Он вам ничего не повредил, дорогая?

– Нет-нет, спасибо, – смущенно проговорила Джудит. – Страшно подумать, что могло произойти, если бы не вы. – Она вдруг испуганно посмотрела на лежащего Шортхауса. – А он не?..

Джоан усмехнулась:

– Не беспокойтесь, с ним все в порядке. Дышит. Правда, испарения такие, что хоть противогаз надевай, но это уже другое дело. А вы уходите поскорее домой, так будет лучше.

Джудит засуетилась:

– Да, да, я сейчас. – Она замолкла, а затем, запинаясь, добавила: – Не знаю, как вас отблагодарить, но, пожалуйста, никому об этом не рассказывайте. Я вас очень прошу.

Джоан нахмурилась:

– К сожалению, сейчас уже поздно искать Эдвину замену, а то я бы обязательно настояла, чтобы его убрали из труппы.

– Нет, не надо, – проговорила Джудит со странной горячностью. – Мне будет очень стыдно, если люди узнают.

– Стыдно? – удивилась Джоан. – Но вас не в чем упрекнуть, дитя мое.

– Ну просто стыдно... я не знаю. Очень вас прошу, обещайте никому не рассказывать.

Джоан пожала плечами:

– Хорошо, не буду, раз вы так просите. – Она помолчала. – Где вы живете? Я хочу вас проводить, если это не далеко.

– Вы очень добры, но, право, не стоит беспокоиться.

– Пойдемте, – сказала Джоан, – мне полезно прогуляться.

– А что с ним? – Джудит показала на лежащего Шортхауса.

Джоан махнула рукой:

– Пусть полежит, проспится. Правда, потом он снова напьется, но нас это не касается. Надевайте пальто.

По дороге Джудит призналась Джоан, что «ухаживания» Шортхауса начались одновременно с началом репетиций. А ей было неловко слишком резко его отталкивать. Как же, знаменитый певец. Кроме того, у нее есть молодой человек, тоже из хора, но он музыкант. И не простой, а композитор. Недавно закончил работу над оперой, и Шортхаус обещал кое-какое содействие.

– О, моя дорогая, – со вздохом проговорила Джоан, – советом могут помочь многие. И я, и Адам. А вот что касается постановки, то тут надо искать помощи у мультимиллионера.

Возвращаясь в отель «Булава и скипетр», Джоан думала о Шортхаусе. Этот человек планомерно разрушал себя и скоро мог дойти до точки, когда уже не смогут выручить ни голос, ни артистические способности. Конечно, хорошо бы за сегодняшнюю проделку исключить его из труппы, но обещание есть обещание.

В конце концов она была вынуждена его нарушить под давлением обстоятельств, о которых речь пойдет дальше.

Глава 4

Вскоре начались репетиции с оркестром, а с ними и неприятности.

Шортхаус постоянно предъявлял претензии к дирижеру, придирался к любой мелочи, буквально не давал ему работать. Вот и сегодня, не успели начать, как опять что-то случилось.

Адам шумно вздохнул и отправил в рот пластинку жевательной резинки. В зрительном зале на одном из передних сидений Джон Барфилд жадно поедал сэндвич с ветчиной, роняя крошки на жилет. Движения его челюстей заворожили Адама настолько, что он некоторое время пристально смотрел не мигая, пока тот не заметил и не поднял взгляд на сцену.

А здесь опять остановилась репетиция. Эдвину на этот раз не понравился темп.

– Разумеется, мистер Пикок, я уважаю ваше мнение. – Шортхаус говорил тоном, весьма далеким от уважительного, чуть наклонившись в сторону ramпы. – Но зачем вы тут делаете такое подчеркнутое акселерандо?³ Это совершенно не соответствует настроению Сакса в данный момент.

Джордж Пикок нервно задергал дирижерской палочкой. Ему было явно не по себе.

«И есть от чего», – подумал Адам.

Репетиции «Мейстерзингеров» с участием Эдвина Шортхауса были также тяжелым испытанием для дирижеров много старше и опытнее. Адам жалел Пикок. Удачная постановка «Мейстерзингеров» определила бы карьеру этого способного молодого дирижера, а Эдвин Шортхаус уже сколько дней не давал ему покоя и мотал нервы. В конце концов спектакль может быть загублен. К тому же время шло, а сегодня только начали репетировать третий акт.

Адам наклонился к Джоан:

– Боже мой, неужели Эдвин не может заткнуться хотя бы на десять минут?

Она кивнула:

– Ты же видишь, он делает это нарочно. Ему доставляет удовольствие изводить Пикок. Как жаль, что этот боров такой хороший певец.

– Иначе кто бы его здесь держал, – сказал Адам. – Я думаю, он доиграется, доведет кого-нибудь до смертоубийства.

– ...и все же, если вы позволите, я предпочел бы оставить все как есть, – произнес Пикок, стоя за дирижерским пультом. – В этом месте явно необходим дополнительный импульс.

– Хорошо, – неожиданно согласился Шортхаус. – Я буду пытаться следовать вашему ритму. Если, конечно, получится.

– Скотина, – горячо прошептала Джоан. – Презренный осел. У него совершенно нет чувства ритма.

Адам вздохнул:

– Еще одна остановка, и мы сегодня третий акт не пройдем.

Оркестр заиграл снова. Дошли до того места, которое обсуждалось, и Шортхаус опять отстал. Пикок постучал палочкой по пульту, и музыка прекратилась.

– Ну теперь будет веселье, – сказала Джоан.

– К сожалению, мистер Шортхаус, мы в очередной раз оказались впереди вас.

– Мистер Пикок, если мои усилия как можно точнее передать замысел композитора вас раздражают, так извольте сказать об этом прямо, а не путем дешевых насмешек, – резко бросил Эдвин Шортхаус.

³ Постепенное ускорение исполняемого произведения.

На сцене стало тихо.

Пикок густо покраснел, однако взял себя в руки.

– Давайте пока оставим этот пассаж и продолжим с четвертой сцены – выхода Евы. Вы готовы, мисс Дэвис?

– Да, – крикнула в ответ Джоан и повернулась к Адаму: – Мне противно даже изображать флирт с Эдвином.

– Не думай об этом, – подбодрил Адам. – И если он начнет придираться к тебе, я думаю, ты найдешь, что ответить.

– Это было бы чудесно, – мечтательно проговорила Джоан. – Но на такое мало надежды. Он цепляется только к молодым и неопытным, кто не может как следует дать отпор. Ну я пошла.

Адам улыбнулся:

– Счастливо. Встретимся на сцене под липой. И не приводи подругу.

Он продолжил размышлять. Ситуация была крайне тревожная. Пикок может сломаться, и что тогда? К сожалению, Шортхаус знал, что может беспрепятственно хамить дирижеру. Ему за это ничего не будет. На него шла публика, он делал кассу. А кто такой Пикок? Да никто, пустое место, хотя номинально его указания должны выполняться беспрекословно. Ведь в опере слово дирижера – закон.

Адам вздохнул и полез за жевательной резинкой, опять встретившись взглядом с Барфилдом, который теперь собирался съесть помидор. Он сделал гримасу и многозначительно кивнул на сцену. Адам сделал гримасу в ответ.

На сцене Шортхаус и Джоан, глядя друг на друга, сладкозвучно пели с небольшими диссонансами в ля-бемоль. Адам вдруг заметил, как слаженно играет оркестр, и у него снова вспыхнула злость на Шортхауса. Желая успокоиться, он отправил в рот третью пластинку жвачки. Жаль только, что эта штукавина быстро утрачивала вкус и становилась просто резинкой.

Затем к нему подошел режиссер Деннис Резерстон, меланхоличный, моложавый, в своей неизменной шляпе «трилби». С ним был черноволосый, мрачноватый молодой человек. Адам помнил, что он стажер, но в спектакле выходит только один раз в первом акте. Когда пекарь спрашивает, где Николаус Фогель, один из подмастерьев быстро вскакивает со скамьи и бойко отвечает: «Болен он». Дальше Котнер говорит: «Пошли ему Бог здоровья» и так далее. Так вот, роль ученика исполняет этот молодой человек.

– Ну что это за спектакль, в котором исполнители по несколько минут стоят неподвижно и поют, – брюзгливо произнес Резерстон. – Вы скажете: так заведено. Но подобные традиции надо ломать.

– Если они начнут двигаться, то могут сфальшивить, – доброжелательно заметил Адам.

– А что за фокусы вытворяет Шортхаус, – продолжил режиссер. – А сцена на лугу? Здесь эти чертовы подмастерья и секунды не могут устоять на месте. Им, наверное, кажется, что если они будут переминаться с ноги на ногу, это произведет впечатление веселого оживления. А для меня их ужимки выглядят как коллективный приступ белой горячки.

Адам собирался на это ответить, но музыка вдруг оборвалась.

– Ну что теперь? – буркнул Резерстон.

– Невозможно работать, за кулисами такой шум, – произнес Пикок с дрожью в голосе. – Пожалуйста, потише.

– Это он о нас, – удивленно проговорил Резерстон, понизив голос. – Ладно, в любом случае, мне пора идти.

Оркестр заиграл снова, и режиссер пошел прочь, сопровождаемый стажером.

Адаму не понравились нервные нотки в голосе Пикока. Это предвещало взрыв. А он по опыту знал – срыв дирижера на репетиции грозит спектаклю провалом. Хоть бы Шортхаус помолчал некоторое время.

На сцену выскочила Магдалена и обменялась репликами с Евой. И тут Адам вдруг вспомнил, что скоро его выход. Вытащил изо рта жвачку, аккуратно приклеил сзади к декорации и пошел на сцену, бормоча под нос проклятия в адрес Эдвина Шортхауса.

К нему устремилась Ева (Джоан). Они обнялись.

– О мой возлюбленный герой, поэт, – запела она и чуть слышно добавила: – От тебя отвратительно пахнет мятой.

К сильному удивлению Адама, второй акт прошел до конца без инцидентов. Влюбленный Вальтер (Адам) убеждал Еву сбежать. Бекмессер исполнил свою неуклюжую серенаду, затем за ним погнался Давид. Подмастерья снова расстроили Резерстона. Сакс увел Вальтера к себе. И наконец явился ночной сторож, дуя в свой рог. Площадь (сцена) быстро опустела, лишь песня ночного сторожа разносилась по безлюдным улицам. Музыка замолкла.

Все было хорошо, но Адам подозревал, что коварный Шортхаус придержал свой огонь до третьего акта, и дальнейшие события подтвердили его опасения.

Дирижер, режиссер и хормейстер собрали артистов на сцене и дали указания, как действовать. Затем объявили перерыв на четверть часа, чтобы они могли выпить по чашке чая. Адам и Джоан сели в партере рядом с Джоном Барфилдом. Сейчас он грыз яблоко.

– Так долго это не может продолжаться, – со вздохом проговорил Адам. – Если Шортхаус не урезонить, он сорвет спектакль.

– А разве можно с ним что-нибудь сделать? – хмыкнул в ответ Барфилд. – Дирекция на его стороне.

– А все потому, что они не осознают, какой Пикок замечательный дирижер. Надо иметь настоящий талант, чтобы заставить так красиво звучать это собрание посредственных скрипачей и духовиков.

– Он молод и полон эмоций, – заметил Барфилд, доедая яблоко.

– А где он, кстати? – спросил Адам.

На сцене рабочие убирали разные предметы, изображавшие улицу Нюрнберга, освобождая место для луга. Сзади электрик беседовал с помощниками. Несколько хористов прохаживались между рядами. Пикока нигде видно не было.

– Наверное, беседует по душам с Шортхаусом, – с усмешкой проговорил Барфилд.

Затем он достал из пакета кусок пирога, для вида предложил угоститься Джоан и Адаму. Они, разумеется, отказались, и он с удовольствием принялся его поглощать.

В задней части сцены оживленно разговаривали молодой человек, которого Адам видел с режиссером, и Джудит Хайнс, недавняя знакомая Джоан.

– Кто этот парень? – спросил Адам.

Джоан пригляделась:

– Стажер со странным именем Борис.

– А девушку, кажется, уже удостоил своим вниманием Шортхаус. Я однажды видел ее с ним.

Джоан нахмурилась:

– Не дай бог. Она милое дитя.

– Из хора?

– Да. Занята в сцене на лугу и танцует с Давидом.

– Судя по тому, как она сейчас смотрит на этого молодого стажера, он ей нравится.

– Девушка молодая, красивая, пусть погуляет, – небрежным тоном заметил Барфилд, роняя крошки на колени. – Я ведь занят в первой сцене последнего акта, так что пойду немного перекушу.

– А я только во второй, – проговорила Джоан. – Есть время немного отдохнуть. Ведущая за кулисы дверь приоткрылась.

– Тихо, приготовились, – неожиданно произнес Барфилд, вскидывая руку. – Вот он идет, наш Мефисто.

Шортхаус подошел к ним и сел с тяжелым вздохом. От него, как обычно, несло джином.

– Слава богу, через неделю премьера. Пикок довел меня до крайности. – В тоне Эдвина звучало столько фальши, что Адам вздрогнул. – Он до сих пор мечется, не может найти правильный подход.

– И поэтому, Эдвин, ты решил довести его до нервного срыва? – мрачно поинтересовалась Джоан.

– Боже, Джоан! – воскликнул Шортхаус. – Как тебе это могло прийти в голову? Жаль, конечно, что репетиция задерживается, но мне нужно понять свою партию. Но каждый мой вопрос вызывает у дирижера презрительную усмешку, и в ответ я слышу одни оскорбления. Ну хорошо, с этим можно примириться. Ничего не поделаешь, дирижер – человек молодой, неопытный, к тому же нервный. Но меня беспокоит спектакль. В Англии впервые после войны ставят «Мейстерзингеров». Поэтому надо постараться. – Он замолк, на несколько секунд погрузившись в мысли. – Я решил потребовать у дирекции замены Пикока.

– Ты что, с ума сошел? – не выдержал Адам. – К тому же с ним заключили контракт.

– И со мной, кстати, тоже, – язвительно заметил Шортхаус. – И если его оставят, то уйду я. И не во мне дело, нет. Я просто не желаю, чтобы какой-то дилетант коверкал Вагнера.

Мысль о том, что Шортхауса может заботить кто-то еще, кроме его самого, казалась Адаму невероятной.

– Ладно, идти в буфет уже поздно, – произнес Барфилд, разрывая обертку шоколадки.

На сцене появился золотых дел мастер Фейт Погнер, что-то бормоча себе под нос. Режиссер Резерстон давал последние указания механику сцены и электрику. В оркестровой яме «раздувались» духовики.

Через десять минут началась репетиция. На широком лугу мастера цехов собирались на певческое состязание. Подмастерья затеяли веселый танец с девушками. «Это похоже на праздник в воскресной школе», – заметил сквозь зубы Резерстон. Хор славил Ганса Сакса, и все с восторгом подхватили призыв поэта-башмачника хранить верность традициям национального искусства.

Глава 5

Стычки Шортхауса с дирижером не прекращались.

Он придирался к Пикок по поводу и без повода. На каждой репетиции. А сегодня спор перерос в настоящий скандал. Как заметил Адам, такого шума не было даже в палате общин во время дебатов по национализации. Пикок не сдержался и начал кричать на Шортхауса, а тот в долгу не остался, используя свой голос, весьма подходящий для данного случая. В конце концов Пикок ударил о пульт палочкой так, что она сломалась, и выбежал прочь. Адам постоял несколько секунд и пошел вслед за ним. Сзади возбужденно переговаривались артисты.

Адам нашел Пикок в репетиционном зале. Дирижер стоял, ухватившись за крышку рояля. Лицо напряжено, глаза невидящие, пустые.

– Я вам сочувствую.

Пикок отозвался через несколько секунд:

– И что вы мне предлагаете? Извиниться?

– Вы ни в чем не виноваты, – мягко произнес Адам. – Труппа на вашей стороне. Шортхаус ведет себя недопустимо.

– Но я должен управлять ситуацией, – пробормотал Пикок. – В конце концов, это входит в мои обязанности. – Он посмотрел на Адама. – Вот вы человек более опытный в таких вещах, чем я. Скажите, мне следует уйти?

– Ни в коем случае. Продолжайте работать как ни в чем не бывало.

Пикок горько усмехнулся:

– Конечно, тут нужен человек волевой, твердый, способный поставить на место любого зарвавшегося артиста. У меня нет подобных качеств, но есть огромное желание поставить эту оперу так, как я ее вижу. Разумеется, дело касается только музыки. И меня заботит не только карьера...

Он замолк.

– А как быть с репетицией? – спросил Адам.

– Скажите, что она закончена. Понимаете, я не могу сейчас выходить к людям. Не могу. Поэтому... ради бога, скажите им, что репетиция на сегодня закончена. – Пикок осекся и покраснел: – Извините, мне не следовало кричать.

Адам улыбнулся:

– Пустяки. И я прошу вас, ради всего святого, не делайте никаких поспешных шагов.

Он объявил об окончании репетиции, заметив, что Шортхауса среди исполнителей нет. Все разошлись, переговариваясь друг с другом приглушенными голосами. Оркестранты начали укладывать инструменты.

К Адаму подошла Джоан:

– Как он?

– Расстроен, конечно, но, думаю, продолжит работу. А где Эдвин?

– Вышел вскоре после Пикок.

Адам вздохнул:

– Нам тут тоже нечего делать. Пошли в отель и там выпьем.

Джоан кивнула:

– Да, после обеда. Соберемся и поговорим. Изменить, к сожалению, мы ничего не можем, но хотя бы отведем душу.

Джоан пошла в гримерку, а Адам по пути к себе столкнулся с Шортхаусом.

– Эдвин, прошу тебя, уймись.

Шортхаус посмотрел на него отсутствующим взглядом. Волосы взъерошены, на лбу и щеках капельки пота. Адам в ужасе подумал, что этот человек сходит с ума, и неожиданно для себя почувствовал к нему жалость. Но она пропала, как только тот заговорил. Глухо, с трудом, словно движения губ доставляли ему боль.

– Я завтра же позвоню Леви и потребую, чтобы он выгнал в шею этого ничтожного молокососа.

Адам поморщился:

– Не глупи, Эдвин. Даже если Леви согласится, то и тебе придется несладко. Зачем восстанавливать против себя труппу? Ты будешь страдать.

– Страдать? – Шортхаус чуть повысил голос. – Так я уже страдаю.

Он постоял пару секунд, как будет размышляя, а затем нетвердой походкой двинулся прочь.

Адам посмотрел ему вслед и открыл дверь гримерной.

– А по-моему, не стоит беспокоиться, – произнес Деннис Резерстон. – Все рассосется само собой. Как всегда.

Режиссер сидел, откинувшись на спинку стула, пристально разглядывая янтарный виски в своем бокале. Неизменная шляпа сдвинута на затылок.

– Нет, – возразил Адам, – сейчас не рассосется.

Они собрались за круглым столом в баре отеля «Рандолф». Адам, Элизабет, Джоан, Резерстон, Карл Вольцоген и Джон Барфилд. На часах восемь, в зале еще сравнительно немногочленно, но несколько столиков неподалеку были заняты. За ближайшим высокий темноволосый мужчина с обмотанным вокруг шеи зеленым шарфом витийствовал со знанием дела относительно действия различных ядов перед аккуратно одетым джентльменом среднего возраста, по виду военным, и молодым человеком с золотисто-каштановыми волосами и розой в петлице. После холода на улице все наслаждались блаженным теплом. Позвякивали бокалы, за барной стойкой шипел пивной кран, к гулу голосов примешивался звон кассового аппарата.

– Я недавно разговаривал с Эдвином, – продолжил Адам. – Он почти невменяем. В нем дико переплелись гордыня и острая жалость к себе. Пьет не переставая. Не представляю, чем это закончится. А ведь для того, чтобы спектакль состоялся, он и Пикок должны как-то договориться.

– А вот красная ургинея, – произнес темноволосый за соседним столом, – приводит к весьма болезненной смерти.

Резерстон вздохнул:

– И что вы предлагаете? Послать делегацию к Леви?

– Это бесполезно, – подала голос Джоан, прикуривая новую сигарету от старой. Сегодняшние события на репетиции ее сильно взволновали, и она курила одну сигарету за другой. – Леви не захочет расстаться с Эдвином. Да и какой оперный антрепренер уволит артиста, на которого ходит публика.

– На нас, между прочим, тоже ходит публика, – обиженно отозвался Адам.

Джоан погладила его руку.

– Дорогой Адам, ты думаешь, что все согласятся уйти, если не уберут Эдвина? Даже у меня нет особого желания разрывать контракт. Потому что каждый день хочется кушать. Так я устроена.

Наступило молчание, которое нарушил Карл Вольцоген:

– Для этого дурака искусство ничего не значит. Он заявляет, что заботится о верной интерпретации произведения Мастера, а на самом деле думает только о себе. А я встречался с великим композитором в Байройте, мне было тогда четыре года, но помню все, как будто

это случилось вчера. Мастеру оставался год до кончины. Он был задумчив, но посмотрел на меня добрым взглядом и сказал...

Дальше присутствующим пришлось в который раз выслушать эту историю. Они симпатизировали Карлу в его восторженном преклонении перед Рихардом Вагнером, но всему есть предел. Тем более постановка оперы была на грани срыва. В результате разговор быстро перевели на проблему с Шортхаусом.

– А что ты скажешь, Джон? – спросила Джоан, поворачиваясь к Барфилду.

Тот громко закашлялся. Он ел имбирное печенье из стоящего на столе бумажного пакета, и крошка попала ему не в то горло.

– Мне кажется, выход тут может быть только...

– ...к чрезвычайно эффективным ядам причисляют также ортофосфат цинка, – донеслись с соседнего стола слова темноволосого.

Барфилд смутился. Сосед своим замечанием попал в точку.

– Я хочу сказать, – осторожно проговорил он, – что Пикоку, видимо, придется уйти. – В ответ на бурные протесты он замахал руками: – Я все понимаю. Да, это не по-божески и даже отвратительно. Но как еще можно разрешить подобный конфликт?

– Конфликт можно разрешить с помощью ортофосфата цинка, – невозмутимо возвестила Элизабет.

– Прекрасный вариант, – мечтательно произнесла Джоан. – И хорошо бы отравить его не насмерть, а только чтобы он не мог петь.

Предложение всех позабавило. Они пошутили, поговорили о том о сем, не касаясь больше конфликта Шортхауса с дирижером. Было ясно, что ничего путного придумать сейчас они не смогут. В девять часов компания начала расходиться. Адам с Элизабет и Джоан отправились в «Булаву и скипетр».

В начале двенадцатого, когда Элизабет была уже в постели, а Адам раздевался, вдруг обнаружилась пропажа бумажника. Он вспомнил, что расплачивался за выпивку мелочью, которая собралась в кармане, а бумажник не доставал.

– Кажется, я оставил его в примерной. Придется идти.

– А может, он лежит там до завтра? – сказала Элизабет.

Адам в очередной раз восхитился ее красотой. При свете прикроватной лампы она сейчас была особенно хороша.

– Нет, придется сходить. Так будет спокойнее. В нем довольно приличная сумма.

– А разве театр на ночь не запирают?

– Запирают, конечно, – ответил Адам, начиная одеваться. – Но там есть ночной сторож, старик. Надеюсь, он еще не спит.

– Хорошо, дорогой, – проговорила Элизабет сонным голосом. – Только возвращайся скорее, не задерживайся.

Адам подошел ее поцеловать.

– Туда несколько минут ходьбы, и я сразу обратно.

На улице морозный воздух обжег лицо. Выдыхая пар, Адам двинулся по Джордж-стрит в сторону Кронмаркет, где на светофоре теперь постоянно горел зеленый свет. Темное небо чуть освещал бледный серп луны. На безлюдной улице, нажимая на педали, его обогнал случайный ездок на велосипеде, под шинами которого потрескивал лед.

Адам пересек Глостер-Грин, где, высвеченные уличными фонарями, все еще стояли несколько автомобилей с желтыми полосами на крышах. Тишину нарушил негромкий кашель запоздалого прохожего, остановившегося у табачного киоска слева. Перед тем как выйти на Бомон-стрит, Адам остановился посмотреть программы концертов на афишной тумбе.

Войти в театр оказалось совсем просто. Дверь служебного входа оказалась широко распахнутой, хотя в небольшом вестибюле, с единственной матовой лампочкой, освещающей обитую зеленым сукном доску объявлений, никого не было.

Когда он забрал свой бумажник и собрался уходить, часы показывали двадцать пять минут двенадцатого. Примерная находилась на втором этаже, но ему захотелось проехаться на лифте. Была у Адама такая маленькая слабость – он получал удовольствие, катаясь на лифте. Спустившись вниз и почувствовав, что этого мало, он решил прокатиться еще и на этот раз нажал кнопку третьего этажа.

Кабина остановилась. Сквозь стальную решетчатую дверь просматривался тускло освещенный длинный коридор, по обе стороны – гримерные. В дальнем конце на стене поблескивал телефон, рядом имелся проход в комнату сторожа, дверь в которую была открыта. А через секунду рядом с лифтом, шаркая ногами, появился и сам охранник, старик Фербеллоу, с редкими, всегда растрепанными седыми волосами, в очках в металлической оправе.

Адам, понимая, что надо как-то объяснить свое присутствие, открыл дверь кабины и поздоровался.

Сторож облегченно вздохнул:

– А, это вы, сэр.

Пояснив причину позднего появления, Адам добавил:

– Я удивлен, что вы до сих пор бодрствуете.

– А я, мистер Лангли, всегда ложусь спать после полуночи. И дверь служебного входа не запираю. Но там внизу холодно, поэтому сижу здесь.

– Конечно, будет холодно, – заметил Адам, – если дверь распахнута.

– По-другому нельзя, сэр. Ведь электрический свет включен, а эти лампочки выделяют вредные газы. Так что, пока они горят, требуется вентиляция.

Адама удивил этот странный предрассудок, но разубеждать старика-сторожа он не стал, а быстро попрощался и покинул театр. Отойдя на некоторое расстояние, он увидел, как к служебному входу подъехал автомобиль, из которого вылез мужчина и поспешно вошел в театр. Адаму, конечно, хотелось узнать, что за посетитель мог быть в столь поздний час, но он счел свое любопытство праздным. А когда пришел в отель, вообще об этом забыл.

А в то же самое время в гримерной, расположенной почти напротив комнаты сторожа Фербеллоу, где дверь была широко раскрыта, прохладный сквозняк слабо покачивал тело Эдвина Шортхауса. Он висел в петле на веревке, закрепленной на вделанном в потолок стальном крюке. Ветка время от времени поскрипывала, но тихо, почти неслышно.

Глава 6

– У преступника бедное воображение, – недовольно проговорил Джервейс Фен. – По улицам расхаживают физики-атомщики, брюзжа на политиков, злоупотребляющих их достижениями, а он выбрал себе в жертву незадачливого оперного певца.

– Вы говорите так, потому что не знали Шортхауса, – сказал Адам. – Уверю вас, горевать по нему никто не будет.

Они остановились у края тротуара, собираясь пересечь Сент-Джеймс-стрит. В лицо дул ветер со снегом.

Их было трое. Адам, Джервейс Фен, профессор английской литературы и по совместительству детектив, а также шеф полиции Оксфорда сэр Ричард Фримен.

– Но это все равно потеря, – продолжил Фен, когда они наполовину перешли улицу. – Насколько мне известно, покойный был хорошим певцом.

– Хорошим, – согласился Адам. – Иначе бы его не стали держать в труппе. – Он на секунду замолк. – Я смотрю, снегопад усиливается.

– Мне кажется, вы поспешно сочли это убийством, – произнес сэр Ричард Фримен. Он двигался, прямо держа спину, коротким решительным шагом. – Инспектор Мадж доложил мне, что обстоятельства указывают на самоубийство.

Фен понимающе кивнул:

– Ну если Мадж так считает, тогда... Ну, что же, самоубийство, так самоубийство... Честно говоря, данное дело меня не сильно интересует. Кто такой этот Шортхаус? Родственник композитора?

– Да, – сказал Адам, – Эдвин брат Чарльза Шортхауса. Он пел во многих его операх, но особенно ему удавался Вагнер. Эдвин пел партии Вотана в «Валькирии», Сакса в «Мейстерзингерах», короля Марка в «Тристане и Изольде», рыцаря Грааля Гурнеманца в «Персифале». А когда здесь решили ставить «Мейстерзингеров», разумеется, на партию Сакса пригласили его.

Они поравнялись с пабом.

– Хорошо бы выпить пива, – задумчиво проговорил Фен. – Но, пожалуй, рановато. – Он взглянул на собеседников: – Так вы говорите, Шортхауса повесили?

– Вполне возможно, – отозвался сэр Ричард Фримен. – Но причина смерти не удушение.

– Перелом шейных позвонков?

– Или свернута шея. Придем на место, там уже должно быть заключение медицинской экспертизы.

– Вообще-то инсценировать такого рода самоубийство не просто, – заметил Фен. Его румяное, обычно веселое лицо теперь посуровело. – Тут нужны изобретательность и сноровка. – Он застегнул на верхнюю пуговицу свой безразмерный плащ, убрал со лба влажные каштановые волосы и поправил на голове весьма примечательную шляпу. Сорокатрехлетний профессор был голубоглаз, худощав и долговяз. – Я слышал, этот Шортхаус устраивал скандалы на репетициях.

У отеля «Рандолф» они повернули на Бомон-стрит.

– Вот именно скандалы, – согласился Адам. – Лучше не скажешь. – Он посмотрел на шефа полиции: – Надеюсь, вы не возражаете, если в театре к нам присоединится моя жена?

– Жена? – удивился сэр Ричард. – Я не знал, что вы женаты, Лангли.

– Супруга Адама – Элизабет Хардинг, – пояснил Фен. – Я с ней еще не знаком, но знаю, что она пишет на криминальные темы, и какие-то ее работы читал. Рад случаю быть ей представленным.

– Жаль, что ваша супруга выбрала для исследования такую неприятную тему, – произнес сэр Чарльз. – А насчет ее присутствия, конечно, не возражаю и тоже буду рад познакомиться.

– Кстати, Джервейс, она собирается взять у вас интервью, – добавил Адам. – Ей заказали серию статей о выдающихся детективах.

– Выдающихся детективах? – радостно воскликнул Фен. – О, мои дорогие лапы⁴. Вы слышали, Дик? – повернулся он к шефу полиции. – Меня причислили к выдающимся детективам.

Сэр Ричард не ответил, потому что они приблизились к служебному входу в театр, охраняемому констеблем. Рядом музыканты с инструментами в футлярах ежились под холодным ветром. В центре группы была видна арфистка.

Один из музыкантов, увидев Адама, подошел.

– Доброе утро, мистер Лангли. Вы не знаете, сегодня будет репетиция?

Адам пожал плечами:

– Если позволит полиция, то она состоится во второй половине дня.

– Но постановку не отменяют?

– Ни в коем случае. Срок премьеры, видимо, передвинут в связи с заменой Сакса.

Музыканты принялись бурно обсуждать ситуацию. Гобоист предложил пойти выпить.

Констебль отдал честь сэру Ричарду, и они вошли в театр. Миновали погруженный в полумрак пустой вестибюль и через вращающуюся дверь прошли на сцену. Издали был слышен голос инспектора Маджа. Он предлагал кому-то немедленно покинуть театр, поскольку посторонним здесь находиться запрещено. Осторожно обходя элементы декораций и осветительные приборы, они вышли на сцену, где Элизабет препиралась с невысоким энергичным инспектором Маджем, не желающим мириться с ее присутствием.

Увидев Адама, Элизабет повеселела.

– Дорогая, – произнес он радостным тоном, – позволь представить тебе шефа полиции сэра Ричарда Фримена и профессора Джервейса Фена. – Он повернулся к спутникам: – Это моя жена Элизабет.

– Очень приятно, – учтиво произнес сэр Ричард с небольшой хрипотцой в голосе и скосил глаза на инспектора. – Успокойтесь, Мадж. Все в порядке.

– Как скажете, сэр, – пробормотал инспектор не очень довольным тоном.

Фен, глядя на Элизабет, светился лучезарной улыбкой.

– Очень рад знакомству. Мы с Адамом старые приятели.

Сэр Ричард оглядел сцену и тонушие во мраке ряды партера, затем повернулся к инспектору:

– Это случилось здесь?

– Нет, сэр, – ответил Мадж. – Место происшествия – гримерная.

– Так ведите нас туда. Здесь нам делать нечего.

– Фербелю! – позвал инспектор.

Через несколько секунд из призрачной дымки материализовался пожилой сторож и, прищурившись, вежливо поздоровался.

– Фербелю, – сказал инспектор, – вы пойдете с нами в гримерную и расскажете сэру Ричарду то, что вам известно.

– Кто это? – вполголоса спросил шеф полиции.

– Сторож, сэр. Единственный свидетель.

Фербелю объявил, что в кабине лифта все не поместятся.

– Ничего, – заметил сэр Ричард, – поднимемся по лестнице. Для здоровья полезно.

⁴ Восклицание Белого Кролика из «Алисы в Стране чудес».

Они пошли. Инспектор впереди, за ним сэр Ричард, следом Фен, затем Адам с Элизабет. Замыкал шествие сторож Фербелоу. На третьем этаже они гуськом подошли к двери, где была прикреплена карточка с надписью: «ЭДВИН ШОРТХАУС».

– Надеюсь, его уже убрали? – спросил шеф полиции.

– Да, сэр, – ответил Мадж, всовывая ключ в замочную скважину. – Вскрытие, наверное, уже проведено, и скоро сюда прибудет доктор Рашмоул.

– С братом вы связались?

– Я послал ему телеграмму сегодня рано утром, сэр, – отозвался Мадж, возясь с замком. Ключ почему-то не проворачивался. – И пришел ответ. Весьма странный.

– И что там?

Мадж на секунду оставил дверь, чтобы достать из кармана телеграмму:

ПРЕБЫВАЮ В ВОСТОРГЕ НАДЕЯЛСЯ НА ЭТО МНОГИЕ
МЕСЯЦЫ САМОУБИЙСТВО ИЛИ ЧТО ДРУГОЕ МНЕ БЕЗРАЗЛИЧНО
ЧАРЛЬЗ ШОРТХАУС.

– Что за чертовщина? – возмущенно проговорил сэр Ричард. – Чья-то злая шутка?

– Вряд ли, – засомневался Адам. – Чарльз Шортхаус личность весьма эксцентричная. И всем известно, что он своего брата ненавидел. Поэтому вполне мог послать такую телеграмму.

– Где он живет?

– Кажется, где-то в пригороде Амершема.

– Ладно. Так что там с дверью, Мадж?

Наконец они вошли в довольно большую комнату, служившую покойному гримерной. Она была захламлена, как, впрочем, и все гримерные. Одежда висела вкривь и вкось на крючках и лежала кучами на стульях. Туалетный столик был завален фотографиями и гримом. На полу валялась истрепанная вокальная партитура «Мейстерзингеров», исписанная разными закорючками. Рядом несколько присыпанных пудрой книг. В углу пивные бутылки – две пустые и одна выпитая наполовину. На столе пишущая машинка с двумя листами чистой бумаги. Дальше раковина. Окна в комнате отсутствовали, но в правой части в потолок был врезан открывающийся с крыши небольшой световой люк. Квадрат со стороной в три дюйма.

– Я вижу, он устроил себе здесь второй дом, – заметил Фен. Затем повернулся к Адаму: – Репетиции в костюмах уже начались?

– Еще нет. Но он всегда проводил много времени в гримерной. В основном пил. Тут обязательно где-то должны быть несколько бутылок джина.

– Были, – подтвердил Мадж. – Взяли на анализ содержимого. А тело висело вот здесь.

– Да... – задумчиво проговорил Фен, – высоты тут едва достаточно, чтобы повеситься.

– В местах исполнения смертных приговоров, – отрывисто произнесла Элизабет, – существует норма – от шести до восьми футов в зависимости от веса заключенного.

Фен посмотрел на нее с уважением.

– Вы совершенно правы, но надо учитывать степень натяжения веревки. Если повезет... впрочем, думаю, слово «повезет» тут неуместно... то для того, чтобы сломать шею, достаточно и фута.

Внимание всех привлек солидный железный крюк, с которого свисала веревка. Он был закреплен на потолке примерно в семи футах от слухового окна.

– Крюк был здесь всегда? – спросил сэр Ричард, доставая трубку.

Инспектор Мадж посмотрел на сторожа Фербелоу, и тот сообщил, что раньше крюка на потолке не было.

– Следы осыпавшейся штукатурки, – добавил инспектор, – свидетельствуют, что крюк установлен недавно. Веревка, на которой висел покойный, обычная, бельевая.

– А где находился узел? – поинтересовался Фен. – Под углом нижней челюсти? – Он сидел на стуле и задумчиво ощупывал собственную челюсть.

– Как вы сказали? Узел? – Мадж удивленно поднял голову. – Да, все именно так и было. Не знаю, сам ли покойный это придумал или кто-то другой позаботился. А под петлю у подбородка была подложена тряпка.

– Кто обнаружил тело? – спросил сэр Ричард, прикуривая трубку. – И когда?

– Тело обнаружил доктор Шанд, – ответил Мадж.

– Шанд? – удивился Фен. Он стоял перед зеркалом и подрисовывал гримом себе пышные черные усы. Элизабет даже вскрикнула, когда он, шутливо нахмурившись, посмотрел на нее. – Доктор Шанд человек надежный. Но как он здесь оказался посреди ночи?

– Ради бога, Джервейс, – проворчал сэр Ричард, – перестаньте дурачиться и оставьте грим. – Он повернулся к инспектору: – Так что доктор делал здесь посредине ночи?

– Его срочно вызвал Шортхаус, – поспешно произнес инспектор Мадж.

– Как это вызвал?

– Позвонил по телефону. Но доктор не знает, кто говорил. Просто мужской голос сообщил, что Эдвину Шортхаусу срочно нужна медицинская помощь. И сказал куда ехать.

– А вот это уже интересно, – усмехнулся Фен. Он теперь старательно снимал грим с помощью крема. – И во сколько сюда явился доктор Шанд?

– В одиннадцать тридцать. Его встретил Фербелоу.

– Послушайте, – вмешался Адам, – я вчера вечером тоже был в театре.

– Что вы тут делали? – удивился Фен.

– Приходил забрать из гримерной бумажник. Забыл его там после репетиции. В бумажнике были деньги, а в последнее время из гримерных начали пропадать вещи, поэтому я решил сходить не откладывая. Не думал, что здесь может быть Шортхаус. Тем более мертвый. Какой ужас.

Инспектор Мадж замялся:

– Извините, сэр, боюсь, что я не совсем понял, кто вы такой.

– Перед вами Адам Лангли, – пояснил Фен, вытирая лицо полотенцем. – Исполнитель партии Вальтера в опере «Нюрнбергские мастерзингеры».

– И единственный в Европе первоклассный тенор с таким диапазоном, – с гордостью добавила Элизабет.

– И в какое время вы забирали свой бумажник, сэр?

– Примерно в двадцать пять минут двенадцатого.

– Ваша гримерная находится?..

– Этажом ниже.

– Вас здесь кто-нибудь видел?

– Да. Я разговаривал со сторожем Фербелоу. – Дело в том, что я... – Адам замолк, подбирая слова. – ...Мне захотелось проехаться на лифте. Понимаете, есть у меня такая слабость. Это еще с детства, тогда лифты были редкостью. В общем, я спустился вниз, а затем поднялся на третий этаж и встретил Фербелоу. Выяснил, что он опасается вредных газов, которые, по его мнению, выделяют электрические лампы. И поэтому всюду держит двери распахнутыми. Входную внизу и свою здесь.

– Что за идиотизм, – пробормотал сэр Ричард.

– А кроме Фербелоу, вы еще кого-нибудь встретили?

– Нет. Снова спустился вниз и пошел в отель... Впрочем... уходя, я видел, как к служебному входу подъехал автомобиль и из него вышел мужчина. Наверное, это был доктор.

– Достаточно, – прервал его Фен. – Давайте вернемся к пребыванию здесь доктора и обнаружению тела.

Инспектор Мадж откашлялся:

– Доктор Шанд открыл дверь гримерной... – Он сделал драматическую паузу и даже на мгновение прикрыл глаза. – ...И увидел Шортхауса, висящего в петле там, где я вам показал. – Инспектор снова обратил внимание на это место. – А затем немедленно позвал сторожа Фербелоу, и они вместе спустили несчастного джентльмена вниз.

Инспектор снова замолк, собираясь с мыслями, затем продолжил:

– Тут есть одна существенная деталь. Шортхаус в то время был практически жив. То есть хотя дышать он перестал, но сердце продолжало биться. Доктор Шанд мне пояснил, что такое не раз бывало, когда преступников вешали по приговору суда. В большинстве случаев смерть повешенного наступает вовсе не от удушения, а от сдавливания сонных артерий, подающих кровь в мозг, в связи с чем человек вначале теряет сознание, а смерть наступает спустя несколько минут из-за повреждения головного мозга. А когда доктор Шанд освободил сонную артерию, кровообращение восстановилось. Но оживить мистера Шортхауса было невозможно. Через несколько минут сердце остановилось.

Все молчали. Сэр Ричард попыхивал трубкой, Фен задумчиво присел на край туалетного столика. Элизабет сидела, а Адам стоял сзади, опираясь на спинку ее стула. Фербелоу у двери смущенно переступал с ноги на ногу.

– Вот как обстояло дело, – продолжил инспектор Мадж. – И прошу заметить, что, когда прибыл доктор Шанд, в комнате, кроме мистера Шортхауса, никого не было. Будучи разумным человеком, доктор тут все тщательно проверил. Но вы сами видите, в гримерной негде спрятаться. Мало того – войти и выйти здесь можно только через эту дверь.

Глава 7

Мадж вздохнул:

– А теперь с вашего позволения я перескажу показания Фербелю. Так будет удобнее. Там более что он присутствует. Насколько я могу судить, от его свидетельства будет зависеть вердикт о самоубийстве⁵. Итак, он совершил обход и без четверти одиннадцать вернулся в свою комнату. Дверь, как обычно, оставил открытой.

– Потому что газы, – пробурчал Фербелю, с вызовом глядя на сэра Ричарда.

– А без пяти одиннадцать в гримерную мистера Шортхауса постучал, а затем вошел некий молодой человек. Полагаю, он был последним, кто видел певца живым.

– Личность установили? – спросил сэр Ричард.

– Пока нет. – Мадж посмотрел на Адама. – Вероятно, мистер Лангли поможет. Молодой человек, я думаю, имеет отношение к театру.

– Волосы темные, – добавил Фербелю. – Смуглый, похож на еврея.

– Тогда скорее всего это был стажер. Его зовут Борис.

– А фамилия?

– Не знаю, но могу вам показать его, когда начнется репетиция. Да и Фербелю, я думаю, легко сможет опознать.

– Ладно. – Мадж кивнул. – Вообще-то это не к спеху, да и не так важно, как может показаться на первый взгляд. Молодой человек пробыл в гримерной мистера Шортхауса примерно десять минут и...

– Подождите! – прервал его Фен и посмотрел на Фербелю. – Вы слышали, о чем они говорили?

– Нет, – ответил сторож. – Дверь, видите, какая толстая.

– Когда молодой человек вышел из гримерной примерно в пять минут двенадцатого, – продолжил инспектор, – Фербелю...

– Извините, – произнес Фен, – но вынужден вас снова прервать. Мистер Фербелю, скажите, пожалуйста, когда дверь гримерной открыта, вам из своей комнаты видно, что там происходит?

– Нет, сэр. Гримерная находится под углом к моей комнате. Мне виден только небольшой кусочек. И то плохо.

Профессор Фен кивнул:

– Понимаю, спасибо. Продолжайте, инспектор.

– Фербелю проводил молодого человека вниз к служебному входу и попрощался. И потом без промедления вернулся в свою комнату и посмотрел на часы на каминной полке. Они показывали десять минут двенадцатого. Таким образом, он отсутствовал самое большее три минуты.

– Верно, – восхищенно произнес сторож. Ему нравилось, как аккуратно передает его слова инспектор.

– И вот теперь мы дошли до самого главного, – объявил Мадж. – Фербелю готов подтвердить под присягой, что с десяти минут двенадцатого до прибытия доктора Шанда в половине двенадцатого в гримерную мистера Шортхауса никто не входил и не выходил.

– Разговаривая с Адамом, он следил за дверью? – спросил Фен.

– Да, краем глаза, – буркнул сторож.

⁵ В этом месте я считаю полезным осведомить читателя, что свидетельство сторожа Фербелю было точным во всех отношениях. – *Примеч. автора.*

– И я тоже, – сказал Адам, – могу поручиться, что за это время ничего не происходило. Я бы определенно увидел, если кто-то вошел или вышел из гримерной Эдвина. Света было достаточно из комнаты Фербелоу.

На румянном лице профессора явно читалось удовлетворение.

– У меня два вопроса к инспектору. Был ли рядом стул, с которого Шортхаус спрыгнул, если решил покончить с собой?

– Да, сэр. Высокий табурет, какие имеются у стойки бара. По словам Фербелоу, табурет принесли из бутафорской. Сейчас он изъят и отправлен на экспертизу. Когда доктор Шанд вошел в комнату, табурет был повален.

– А как насчет отпечатков пальцев? На крюке у потолка их обнаружили?

– Нет.

– Понятно. – Фен задумался. – Фербелоу, вы слышали стук упавшего табурета?

– Слышал, сэр. Но тогда не обратил внимания.

– В какое время это было?

– Примерно за пять минут до прибытия доктора. Хотя, может быть, это было еще до того, как я поговорил с мистером Лангли. В общем, не помню.

– И еще одна деталь. Инспектор, вы упомянули о бутылке с джином, которую отправили на экспертизу.

– Вместе с остатками джина в бокале, профессор Фен. Это обычная процедура.

– Видимо, Эдвин Шортхаус действительно покончил с собой, – медленно проговорил Адам. – За комнатой наблюдали начиная с десяти минут двенадцатого, и, когда туда вошел доктор Шанд, там, кроме повешенного, никого не было. А в десять минут двенадцатого он никак не мог быть мертвым, ведь в таком случае его сердце продолжало бы биться еще целых двадцать минут, что невозможно.

– Вот именно, сэр, – отозвался инспектор. – Самоубийство, по моему мнению, единственная разумная версия.

– Мне бы тоже хотелось в это верить, – произнес Фен, как будто разговаривая сам с собой, – но...

Его прервал стук в дверь, которую открыл Фербелоу.

В комнату влетел, – именно влетел, иного слова не подберешь, – невысокий возбужденный человек с портфелем. И воззрился на присутствующих с нескрываемым торжеством.

– Итак, позвольте огласить результаты. Превосходно поработали, превосходно. И очень быстро. Такие сделаны аккуратные разрезы, такие добросовестные анализы...

– Это доктор Рашмоул, – уныло произнес Мадж.

Доктор огляделся и с решимостью схватил стул, как будто собирался испытывать его на прочность.

– Я, пожалуй, сяду вот сюда. Думаю, вам не терпится все поскорее узнать. Сейчас достану. – Он порылся в портфеле. – Вот заключение патологоанатома и результаты анализа джина. То, что такой напиток вреден для печени, это очевидно. И вот кое-какие выводы по поводу одежды, присланной из полицейского участка. Начнем с причины смерти. – Доктор Рашмоул достал несколько машинописных листов. – Так, значит... повреждение второго и третьего шейных позвонков. – Он глянул на присутствующих. – Ну, те, что на шее. Ладно, сейчас не время для шуток. Заключение патологоанатома зачитывать?

– Не надо, – ответил сэр Ричард.

– Ну тогда пойдем дальше. Выявлено, что накануне смерти покойный принял изрядную дозу депрессанта. В результате гиперемия. Отек мозга. Дегенеративные изменения в почках и гранулярная дегенерация печени. И так далее. – Доктор Рашмоул покачал головой. – Как мы и полагали, это был нембутал, что окончательно подтвердил дополнительный анализ.

Кстати, дело вовсе не быстрое и утомительное. Мог быть также и сопориген. – Он оглядел присутствующих. – Что из этого вам кажется более вероятным?

– Ну, если... – начал инспектор Мадж.

– Мы это узнаем через пару секунд, – оборвал его доктор. – Достаточно взглянуть на результаты анализа джина. Так-так, я думаю, едва ли здесь уместно шутить. Что же мы тут имеем. – Он извлек из портфеля конверт, вскрыл с ощутимым треском и вытащил содержимое. – Ну вот, это был нембутал. В бутылке обнаружены три сотни частиц. Да, значительное количество. А в том, что осталось в бокале, тридцать.

– Я не ослышался, вы сказали в бутылке? – подал голос Фен.

– Именно в бутылке. Тут написано, что она была заполнена на четверть. – Доктор Рашмоул вдруг засуетился. – Извините, но мне нужно идти. Документы я оставляю у вас. – Он направился к двери.

– Одну минутку, – поспешно проговорил Мадж. – Ведь нембутал – это снотворное?

Доктор Рашмоул кивнул:

– Да. Но доза, какую этот человек принял, смертельная. Так что, я думаю, ему повезло. Хм, «повезло», наверное, не то слово. Счастливого оставаться. Понимаете, у меня много работы. Очень много.

Он вышел, с шумом захлопнув за собой дверь.

Элизабет передернула плечами:

– Любопытный джентльмен. Интересно, все полицейские доктора такие?

– А вот послушайте, что тут сказано в третьем отчете, – проговорил Мадж. – На носках Шортхауса обнаружены частицы веревки. Как будто ноги у него были связаны. И на манжетах рубашки тоже. – Он поднял голову. – И что из этого следует?

– А в отчете патологоанатома упомянуто о каких-то следах на руках и ногах? – спросил Фен.

Мадж порылся в бумагах.

– Да. Обнаружены легкие рубцы на запястьях и лодыжках, свидетельствующие о том, что он был связан. Это очень странно.

– Не более странно, чем тот факт, что бутылка с джином была заправлена нембуталом, – отрывисто произнес Фен. – Наличие снотворного в бокале понятно. Шортхаус мог добавить его сам. Ну мало ли, захотел как следует расслабиться. Но чтобы он стал сыпать это в бутылку, такое немыслимо.

– Значит, кому-то удалось совершить невозможное, – подвел итог Адам. – Эдвина все же убили.

Глава 8

– Ох, как приятно выпить холодного пива, – довольно протянул Джервейс Фен. – А невероятные убийства подождут своей очереди.

Они сидели у хорошо натопленного камина в небольшом переднем зале паба «Птичка и дитя». Мадж с неохотой отправился выполнять свои нелегкие обязанности, а Элизабет с Адамом, сэр Ричард и Джервейс Фен устроились здесь, приятно проводя время в обществе друг друга.

– Так что будет с постановкой, дорогой? – спросила Элизабет.

– Она, конечно, состоится, – ответил Адам, глотнув пива. – Хотя и несколько позже назначенного срока. Ну, может быть, на неделю или чуть больше. Партию Сакса будет петь Джордж Грин.

Элизабет повернулась к Фену:

– Профессор, пожалуйста, не забывайте, что я должна взять у вас интервью.

– Ну так прямо сразу и интервью, – шутливо ужаснулся Фен.

– Профессор, не увиливайте. Кроме вас у меня намечены беседы с миссис Брэдли, Альбертом Кэмпбином⁶ и другими знаменитыми детективами.

– Подумать только, такие люди. Мне, признаться, даже неловко. Кто я, а кто они. А о чем, собственно, пойдет у нас разговор?

– Ну вы расскажете о самых интересных раскрытых вами делах.

Тут их прервал хриловатый твердый голос сэра Ричарда Фримена:

– Надеюсь, что уже все согрелись. Так давайте обсудим дело Шортхауса. Лангли, расскажите, пожалуйста, что собой представлял этот человек. Я практически ничего о нем не знаю.

Адам задумался:

– Что касается внешности, то он был среднего роста, дородный. Небольшие глазки. Явно не красавец, но мнил о себе много. Еще бы, такой голос. Возраст примерно лет сорок пять. А характер у Эдвина был такой, что его никто не любил. В том числе и я. Скандалист, склочник, нечистоплотен в отношениях с женщинами.

– А вот и К. С. Льюис появился, – неожиданно объявил Фен. – Значит, сегодня вторник⁷.

– Да, вторник, – подтвердил сэр Ричард, безуспешно пытаясь раскурить трубку. – Какая разница? – Он посмотрел на Адама: – Вы сказали, что он скандалист и склочник. Если можно, приведите примеры.

Адам рассказал о вчерашней репетиции.

– Мы все переживали, что будет с постановкой. Эдвин угрожал позвонить антрепренеру Леви и добиться замены Пикока.

Сэр Ричард кивнул:

– Отсюда следует, что у дирижера был мотив для убийства. Кстати, а Шортхаус звонил антрепренеру?

– Не знаю, – ответил Адам. – Но если бы дело дошло до увольнения, я непременно выступил бы на стороне Пикока. И многие бы меня поддержали.

– Вы вчера на репетиции заметили, как некий молодой стажер разговаривает с Шортхаусом. Это он поздно вечером посетил его гримерную?

– Думаю, да, – ответил Адам.

⁶ Персонажи детективных романов, популярных в то время.

⁷ Льюис К.С. (1898–1963) – британский писатель и ученый-богослов, в 1933–1949 гг. был руководителем группы интеллектуалов «Инклинги». В Оксфорде их кружок собирался по вторникам.

– Но при разговоре на сцене присутствовала также и девушка, у которой, как заметил Лангли, с этим самым Борисом была любовь. Если так, то молодой человек также мог иметь мотив для убийства – ревность.

– Шерше ля фамм, – кивнул Фен.

– Наверное, такое возможно, – согласился Адам, – но я ничего об этом не знаю. Лучше спросите у Джоан.

– Итак, у нас уже обозначились двое подозреваемых, – произнес Фен, уткнувшись взглядом в стол. – Пикок и этот Борис Годунов, или как там его фамилия. – Он поднял взгляд. – И ситуация такова, что человек убит в тот момент, когда рядом с ним никто не мог находиться. Как по-вашему, можно повесить человека дистанционно?

– А если убийца влез через слуховое окно? – предположил Адам. – Оно ведь открывается.

– Туда даже кошка с трудом влезет, – возразила Элизабет.

Дверь бара отворилась, и на пороге показался сначала человеческий скелет, а следом за ним инспектор Мадж. Женщина за одним из столиков негромко вскрикнула.

– И в чьем шкафу вы его отыскиали? – со смехом спросил Фен.

– В самом деле, Мадж, – недовольно проговорил сэр Ричард, – я понимаю, вы стараетесь, но зачем тащить это в бар. Вы и по улицам Оксфорда шли со скелетом?

– Нет, – смущенно отозвался инспектор, – я приехал на машине. И принес его сюда вам показать. Видите шею?

Все посмотрели на шею. И сидящие за соседними столиками тоже, хотя их это не касалось.

– Такое впечатление, – торжествующе проговорил Мадж, – что на нем... – он кивнул на скелет, – кто-то отработывал технику повешения.

Затем инспектор с некоторым трудом засунул скелет под скамью.

Когда Маджу наконец принесли пива, Фен ободряюще похлопал его по спине:

– Видимо, кто-то, бормоча «Увы, бедный Йорик», замыслил убийство.

Инспектор рассказал, как скелет был обнаружен в бутафорской оперного театра, где и положено ему находиться, но никто, в том числе и Фербеллоу, не мог объяснить, что произошло с шеей.

– А в протоколе вскрытия, – продолжил он, – сказано: смещение позвонков произошло под воздействием внешней силы. Как будто, когда Шортхаус повис, кто-то потянул его вниз.

– Какой ужас, – тихо проговорила Элизабет.

– А во многих операх в качестве реквизита присутствуют скелеты? – поинтересовался Фен.

– Ну не во многих, – ответил Адам, – но в нескольких определенно. Например, скелет есть в опере Чарльза Шортхауса по сюжету пьесы Кайзера «С утра до полуночи». Кстати, я думаю, Чарльз единственный наследник Эдвина.

– А как у него с деньгами?

– Он был весьма состоятельный, но большую часть капитала потратил на постановку своих опер. В Англии вообще композитору, пишущему оперы, прожить на это очень трудно. – Адам задумался. – Эдвин, я думаю, скопил за свою жизнь приличную сумму, семьи у него не было, и теперь Чарльзу будет на что поставить «Орестею».

– Какую «Орестею»?

– Это такая тетралогия, которую он сейчас заканчивает. Либретто написал Кадоган. Для подобной эпопеи определенно требуется построить специальный оперный театр. Так сказать, второй Байройт.

– Получается, что Чарльз Шортхаус тоже попадает под подозрение, – проговорил Фен. – А вот снова появился К. С. Льюис.

– Учтите, Чарльз Шортхаус живет в Амершеме, – напомнил сэр Ричард.

– Но ведь существует транспорт, – возразил Фен. – Надо выяснить, есть ли у него алиби.

Пришла пора ланча, и бар начал пустеть. Дверь часто открывалась, в зал проникал холодный воздух. За окном потемнело так, что казалось, наступил вечер.

Дверь в очередной раз отворилась, чтобы выпустить пару. Молодые люди нерешительно остановились, не зная, какой выбрать столик.

Адам махнул рукой:

– Идите сюда, погрейтесь у камина.

Молодой человек, красивый, высокий, крепко сложенный, с темными грустными глазами, выглядел как-то болезненно. На бледном лице было что-то вроде экземы. Его спутница, Джудит Хайнс, была ему под стать. Так же молода, очаровательна, а свитер и слаксы под теплым коричневым пальто подчеркивали стройную фигуру. Правда, Джудит казалась несколько холодноватой, что могло говорить об искушенности и некой расчетливости. В ее волосах поблескивали еще не растаявшие снежинки. То, что она влюблена, было видно невооруженным глазом.

Они сели.

Адам по очереди представил свою жену, сэра Ричарда, профессора Фена и инспектора Маджа.

– Меня зовут Борис Стейплтон, – произнес в ответ молодой человек, – а мою подругу Джудит Хайнс.

Фен жестом верховного жреца заказал всем выпивку.

Некоторое время все молчали. Затем Адам произнес:

– Мисс Хайнс и мистер Стейплтон участвуют в постановке «Мейстерзингеров».

– Так вы говорите, премьеру отложат, – подал голос инспектор, видимо чтобы поддержать разговор.

– Отложат, – отозвался Адам, – но, думаю, ненадолго. Сегодня я еще Пикока не видел, но слышал от Джоан, что он разговаривал с Леви. Тот в прединфарктном состоянии.

– Просто не верится, – произнес Стейплтон тоном без намека на глубокое потрясение. – Ведь я только вчера поздно вечером виделся с мистером Шортхаусом. И он, кажется, был в полном порядке.

Мадж оживился:

– Значит, вы последний, кто видел его живым?

Молодой человек кивнул:

– Выходит, что так.

– Позвольте спросить, а зачем вы к нему приходили?

– Вообще-то я композитор, начинающий. Написал оперу, и мистер Шортхаус любезно согласился посмотреть партитуру. Его мнение было для меня важно.

– И вы собирались обсуждать это в столь поздний час?

– Мне тоже показалось странным такое предложение, но он сам назначил встречу. Не мог же я возражать.

– Как по-вашему, сэр, что мог делать мистер Шортхаус в такое время в театре?

– Понятия не имею. Когда я пришел, он усиленно накачивал себя джином.

– А почему он решил принять вас в театре, а не дома?

– Не знаю, наверное, у него были причины находиться там.

Мадж кивнул:

– Сторож Фербелоу говорит, что вы пробыли в гримерной всего несколько минут.

– Да, – коротко ответил Стейплтон.

– И больше никого там не было?

– Никого. Он был краток. Что-то в моей опере туманно похвалил, сделал несколько малопонятных замечаний. Мне показалось, что он вообще не раскрывал партитуру. Кстати, в гримерной ее не было. Наверное, осталась у него дома. Надо бы партитуру как-то вернуть.

– От него вы сразу пошли к себе?

– Да.

– И где вы живете?

– Рядом с театром, на Кларендон-стрит. Джудит живет в том же доме.

Инспектор посмотрел на девушку:

– Мисс Хайнс, вы слышали, как возвращался мистер Стейплтон?

Джудит покраснела, как будто ее уличили в чем-то неприличном:

– Нет. Наверное, я уже в это время спала.

– Стейплтон, – вдруг подал голос профессор Фен, прикуривавший очередную сигарету от конца предыдущей. – Как вы нашли мистера Шортхауса? Он не показался вам подавленным, готовым совершить самоубийство?

Стейплтон пожал плечами:

– Нет. Я думаю, такие, как он, жизни себя не лишают. Единственная странность, какую я заметил, – это что мистер Шортхаус клевал носом. Засыпал прямо у меня на глазах. Наверное, выпил лишнего.

«Ну как проверить, – подумал Адам, – правду он говорит или лжет? Может быть, когда Шортхаус отвернулся, Стейплтон подсыпал ему в бутылку снотворное. Но зачем? И главное, что потом? Ведь повесить, пусть даже крепко спящего человека такой комплекции даже такому, как Стейплтон, вряд ли под силу. Причем за несколько минут».

– Но, наверное, он все же покончил с собой, – произнесла Элизабет, как будто прочитав его мысли. – Убить Шортхауса могли, только если на время отменили закон гравитации.

– Мистер Стейплтон, чем вы занимались вчера вечером, до того как направились к мистеру Шортхаусу? – спросил Мадж.

Прежде чем ответить, тот допил пиво из бокала. Возможно, ему потребовалось время для размышления.

– После обеда я был в своей квартире на Кларендон-стрит. В основном читал. А примерно в девять пошел в «Глостер» немного выпить, поболтать со знакомыми, потом прогулялся и в одиннадцать подошел к театру встретиться с Шортхаусом.

– Вы гуляли один?

– Да. Вечер был темный, безлунный.

– Хорошо, сэр. – Мадж задумался. – А в вашем доме кто-нибудь видел, как вы вернулись после беседы с мистером Шортхаусом?

– Сомневаюсь. Я предупредил хозяйку, чтобы она не беспокоилась – приду поздно и запру дверь. Но вообще-то после ухода из театра я еще немного прогулялся.

– Вот как?

– Да. Не очень долго. Думаю, я вернулся домой где-то без двадцати двенадцать.

Мадж глубоко вздохнул, видимо собираясь задать еще вопрос, но его опередил Фен:

– А во время беседы с Шортхаусом вы мисс Хайнс не упоминали?

Глава 9

При этих словах девушка вздрогнула и встряхнула своими чудесными белокурыми волосами:

– А почему они должны были говорить обо мне?

Пару секунд Фен задумчиво ее рассматривал.

– Вопрос, конечно, деликатный, но при создавшихся обстоятельствах это рано или поздно все равно вылезло бы наружу. Я имею в виду тот факт, что Шортхаус был к вам, ну, скажем, неравнодушен.

– Я полагаю, что... – начала побледневшая Джудит и смущенно замолкла.

Мадж разрешил ситуацию с неожиданной для него мягкостью:

– Мы понимаем, что информация, полученная из вторых рук, не всегда достоверна. Так не лучше ли вам, мисс Хайнс, рассказать нам все самой.

– Дорогая, мне кажется, тебе не следует... – начал Стейплтон, но она его прервала:

– Инспектор прав. Лучше сейчас рассказать, тем более что все равно это станет известно. – Она помолчала. – Мы с Борисом любим друг друга, а мистер Шортхаус, как только я появилась в театре, начал... не знаю даже, как это назвать, ну, оказывать мне разные знаки внимания. Разумеется, я его никак не поощряла.

– И в чем это выражалось? – попросил уточнить Мадж, как будто не понимая.

Девушка вспыхнула и ответила чуть повысив голос:

– Не думайте, что он предлагал мне руку и сердце. Этого не было. Он хотел, чтобы я стала его любовницей.

Мадж сокрушенно покачал головой. Он был явно впечатлен.

– А вас, мистер Стейплтон, конечно, это возмутило?

– Вовсе нет, – ответила Джудит за Бориса. – Мы просто посмеялись над этим, и все.

Однако Стейплтон проявил твердость.

– Не совсем так, дорогая. – Он повернулся к инспектору: – Да, меня это возмутило. Но поскольку я полностью доверяю Джудит, то повода для беспокойства не было. Ведь никто не станет опасаться грабителей, находясь в доме, двери которого невозможно взломать.

Мадж посмотрел на Джудит:

– Не могли бы вы рассказать, как провели вчерашний вечер?

– Я весь вечер была одна и легла спать в половине одиннадцатого, – ответила Джудит.

– И вас, значит, поведение мистера Шортхауса не сильно возмутило?

Она пожала плечами:

– Поверьте, меня это не слишком удивило. Такое случается сплошь и рядом.

Мадж сочувственно кивнул:

– Вы правы.

– Нам пора на ланч. – Стейплтон допил пиво и бросил окурок в камин.

Джудит встала, застегивая пальто, затем нерешительно повернулась к Адаму:

– Мистер Лангли, вам мисс Дэвис что-нибудь говорила об опере Бориса?

– Говорила, – ответил Адам. – И я согласен посмотреть партитуру.

– Боюсь, вы будете разочарованы, – грустно проговорил Стейплтон. – Но за любезность большое спасибо.

– Когда вы мне ее дадите?

– Партитура где-то в доме Шортхауса. Все зависит от инспектора. – Он посмотрел на Маджа.

– Я вам ее верну, – сказал тот, неожиданно повеселев. – Думаю, партитура к делу не относится.

– Но даже если мне ваша опера понравится, – сказал Адам, – продвинуть ее постановку будет не просто. И надеюсь, это вокальная партитура? Говорят, Лист мог сыграть всего «Тристана и Изольду» с листа по полной оркестровой партитуре, но я еще такого уровня не достиг.

Стейплтон улыбнулся:

– Я полагаю, это легенда. Вряд ли такое было под силу даже Ференцу Листу. Но у меня партитура вокальная. – Он замялся. – И я хочу вернуть ваш крем.

– Оставьте его себе, – сказал Адам.

Джудит и Стейплтон вышли.

– Это не тот крем, который я купила тебе в подарок, когда шел «Дон Паскуале»? – спросила Элизабет.

– Я дал ему баночку, которую тогда пытался стащить Эдвин, – успокоил ее Адам. – А твою недавно начал.

– Милая пара, – задумчиво проговорил Фен. – Но девушка очень взвинчена, а молодому человеку необходимо показаться доктору. Хотелось бы верить, что она не притворяется и действительно восприняла хамство Шортхауса спокойно.

– Вы хотите сказать, что у нее мог быть мотив для убийства? – спросил Мадж.

– Да, такое вполне возможно, – негромко произнес Фен, как бы обращаясь к самому себе. – Предложение такого рода для любой нормальной девушки является оскорблением. Нельзя также исключать и то, что поведение Шортхауса могло подвигнуть к убийству и Стейплтона. Все зависит от того, насколько далеко зашел Шортхаус. – Он помолчал. – Итак, у нас есть четыре мотива. Угроза увольнения и крах карьеры дирижера (Пикок), деньги (Чарльз Шортхаус), месть (Стейплтон) и оскорбленная добродетель (Джудит Хайнс). И нам предстоит ответить на три вопроса. Первый – кто подсыпал нембутал в бутылку Шортхауса? Второй – кто позвонил доктору Шанду и почему? И наконец третий – что делал Шортхаус в такое время в театре?

– Вы забыли еще один вопрос, самый существенный, – сказал Адам. – Как вообще кто-то мог убить Шортхауса?

Фен кивнул:

– Да, да, конечно. Но вначале я должен посетить Чарльза Шортхауса. Вы с ним знакомы?

– Немного.

– В таком случае после ланча мы с вами отправляемся в Амершем.

Глава 10

Сэр Ричард уехал на ланч к себе домой, инспектор Мадж отправился по своим делам, известным лишь посвященным, а Адам и Элизабет отобедали у Фена в его квартире на Сент-Кристоферс, куда поднялись по покрытой ковровой дорожкой лестнице с видом на сад.

В гостиной превалировали, разумеется, книги. На стенах китайские миниатюры и старинные барельефы, а каминную полку украшали бюсты великих английских писателей. За величественным столом «Шератон» еду подавал пожилой камердинер, служивший у Фена много лет.

За ланчем говорили об опере, особенно о Вагнере, разумеется, о смерти Шортхауса, недоумевая, как это могло произойти. За кофе обсудили планы на остаток дня.

Элизабет наотрез отказалась ехать в Амершем. Из-за холода. Тем более что Фен собирался отправляться туда немедленно.

Он посмотрел на часы.

– Сейчас два. А ехать туда самое большее час, даже на моей машине.

Машина профессора Фена, он дал ей имя «Лили Кристин», славилась тем, что вела себя как ей заблагорассудится, часто не подчиняясь приказам хозяина.

Адам, правда, об этом не знал.

– И чем ты займешься, дорогая?

– Наверное, схожу в кино, – ответила Элизабет. – Или посижу почитаю у камина. А когда вы вернетесь?

– Если все пойдет нормально, то где-то между чаем и обедом, – бодро отозвался Фен.

Смысл выражения «если все пойдет нормально» Адам постиг, только когда они тронулись в путь. Машина была еще та, да и водитель ей не уступал. В общем, езда оказалась веселая.

– Осторожнее, осторожнее, – то и дело вскрикивал он, уцепившись за подлокотники сиденья.

На что Фен беззаботно отзывался:

– Зря вы беспокоитесь, мой друг, все в полном порядке.

И поворачивал руль за долю секунды до лобового столкновения с автобусом. У Адама все внутри холодело.

Автомобиль был красного цвета, небольшой, очень шумный и сильно потрепанный. Крышку радиатора украшала хромированная фигурка обнаженной женщины, а через весь капот шла надпись крупными печатными буквами: ЛИЛИ КРИСТИН III.

– Я купил ее, – Фен убрал руки с руля, чтобы достать сигарету, – у студента-выпускника. Всю войну она простояла на консервации, не думаю, что это пошло ей на пользу. – Он сокрушенно покачал головой. – Особенно двигателю.

Как бы то ни было, но за три четверти часа они добрались до Хай-Уикома и свернули к Амершему.

– Чарльз Шортхаус женат? – спросил Фен.

– Нет, – ответил Адам. – Но живет в связи, которую общество считает греховной, с женщиной по имени Беатрикс Торн. – Он помолчал. – Должен заметить, внешне она непривлекательна. Причем сильно. Но у некоторых композиторов со вкусом что-то неладно. Судя по тому, каких они выбирали женщин. Возьмите хотя бы княгиню Витгенштейн, гражданскую жену Листа, или мадемуазель Ресио, одну из жен Берлиоза, или Козиму, вторую жену Вагнера, дочь Ференца Листа. Красотой ни одна из них не блистала.

– Да, – глубокомысленно заметил Фен, с шумом переключая скорость, – видимо, это необходимое условие для творчества. В общении с такими женщинами они черпали вдохно-

вание. Полагаю, данное правило не является универсальным и всеобъемлющим. Наверное, есть исключения.

– Наверное, – согласился Адам.

– Они живут вдвоем?

– При нем, кажется, есть личный секретарь. Забыл его фамилию. Он же и переписчик нот – с оперных партитур пишет клавиры. И, кажется, присутствуют еще несколько приживалов.

– И каково финансовое положение композитора Шортхауса?

– Довольно неплохое, – заметил Адам. – Я думаю, на уровне Уолтона и Воан-Уильямса⁸. Заслуживает ли он этого – другой вопрос. На мой взгляд, Чарльз Шортхаус бездарен.

– И он не любил брата?

– Терпеть не мог. И каких-то особых причин для этого, насколько мне известно, не было. Просто антипатия. Виделись они очень редко.

Дорога расширялась. Справа мелькнул песчаный карьер, а затем они въехали в лес, промозглый, похожий на пещеру. На опушке у выезда стоял коттедж, видимо заброшенный. Здесь они свернули налево.

– Почти на месте, – пробормотал Фен.

Через пару сотен ярдов автомобиль со страшным шумом свернул на гравиевую подъездную дорожку, ведущую к дому композитора.

– Левое крыло тарахтит, – пояснил Фен. – Видимо, крепление ослабло.

Через несколько секунд подъездная дорожка поворачивала вправо и заканчивалась у солнечных часов, обсаженных кустами лаванды. Автомобиль остановился у солидного двухэтажного дома, сложенного из красного кирпича.

Фен выключил зажигание, но двигатель спустя пару секунд неожиданно «взбрыкнул», а затем еще раз, видимо не удовлетворившись первой попыткой, и только потом затих.

– Забавно он себя ведет, – задумчиво проговорил Фен. – Я так до сих пор и не понял причину. Ладно, давайте посмотрим, что там с крылом.

Но им не дали это сделать. Входная дверь отворилась, и оттуда появилась невысокая длинноногая женщина.

– Прекратите шуметь, – свирепо зашипела она. Голос у нее был низкий и хриплый. – Вы мешаєте маэстро. – Она замолкла. От негодования ее блестящие маленькие глазки едва не вылезли из орбит. – Мистер Лангли, уж вы-то должны были знать. У нас визитеры оставляют свои машины за воротами. Маэстро работает!

– О каком шуме идет речь? – удивился Фен. – Во-первых, двигатель давно выключен. А во-вторых, «Лили Кристин» работает очень тихо. Это крыло немного стучало, но и вы тоже станете стучать, если у вас ослабнет крепление.

– Шум был, – твердо заявила сердитая женщина. – И нечего отрицать. А когда маэстро работает, кругом должна быть полная тишина. Мозг у него настолько чувствительный, что его тревожит даже слабый шорох.

– Хорошо, – сказал Фен, – будем иметь это в виду. Но сейчас мы хотим поговорить с мистером Шортхаусом.

– Об этом не может быть и речи. – Женщина насупилась. – Маэстро творит. Разве можно его беспокоить.

– Но, мисс Торн, – произнес Адам как можно мягче, – передайте маэстро, что мы хотим его видеть. У нас важное дело.

– Не могу. Если вы хотели увидеть маэстро, надо было заранее договориться.

⁸ Уолтон У.Т., Воан-Уильямс Р. – известные британские композиторы и дирижеры.

– Мисс Торн, мы приехали из Оксфорда.

– Мистер Лангли, ничего бы не изменилось, даже если б вы прилетели с Марса.

– Извините, – вмешался Фен, – но я представляю Метрополитен-оперу. Приехал обсудить с мистером Шортхаусом условия постановки «Орестеи».

– О, – воскликнула мисс Торн, моментально преобразившись, и посмотрела на Адама: – Мистер Лангли, неужели это правда?

Адаму ничего не оставалось, как подтвердить, что к маэстро действительно приехал представитель Метрополитен-оперы.

– Тогда, пожалуйста, входите, – любезно проговорила мисс Торн. – Только не говорите громко и не топайте ногами. Маэстро мешает малейший шум.

– Да, да, конечно – закивал Фен.

В доме было необычно тихо. Казалось, что некоторые предметы, находящиеся в движении, по мановению властной руки мисс Торн застыли, как в игре «замри». Бронзовый Меркурий яростно напрягся в попытке взлететь со своего пьедестала, на большом холсте богини мщения Эвмениды остановились на полдороге к построенному боевым порядком войску. Бетховен неласково смотрел со стены, скосив глаза, чучело барса изготовилось к прыжку, раскрыв пасть, мраморный Лаокоон застыл, прекратив вечную борьбу с обвившими его змеями. Святой Георгий вскинул копье, чтобы поразить дракона, и, наконец, сидящий в углу кот застыл, плотоядно глядя на клетку с попугаем.

Адам бывал здесь прежде, но каждый раз тишина в этом доме казалась ему обманчивой. Он ожидал, что вот-вот все эти персонажи очнутся и начнется столпотворение, а может, и смертоубийство. От этого становилось немного жутковато.

Мисс Торн, невозмутимо прошагав через все это великолепие, завела их в небольшую заднюю комнату, повернулась к Фену и произнесла хриплым шепотом:

– Ну и что у вас?

– Где мистер Шортхаус? – спросил в свою очередь Фен. – Он посмотрел на большую вазу, живописно расписанную «Похищением сабиянок», как будто ожидал, что композитор прячется за ней.

– Все дела маэстро веду я, – прошипела мисс Торн. – Поэтому можете все изложить мне. Я слушаю.

– Нет, так не пойдет, – Фен отрицательно покачал головой. – К сожалению, меня уполномочили говорить только с самим мистером Шортхаусом.

– Это невозможно.

– В таком случае я сегодня же возвращаюсь в Америку, – категорически заявил Фен.

– Но вам придется подождать пару часов.

– Да вы что, – возмутился Фен. – У меня еще намечена встреча с Рихардом Штраусом. Я ждать не могу.

Адам видел, что на мисс Торн решимость «американца» произвела должное впечатление. Ведь на самом деле эта дама была простодушной особой.

– Ну тогда, – произнесла она по-прежнему шепотом, – я попытаюсь его побеспокоить.

– Да, да, побеспокойте, пожалуйста, маэстро, – проговорил Фен, нахмурившись. – Не сомневаюсь, он будет сильно недоволен, если вы не позволите нам встретиться.

И тут мисс Торн окончательно сдалась. Последнее, что ей было нужно, – это недовольство маэстро.

– Ладно, я сейчас вернусь, – произнесла она, глубоко вздохнув, как будто собиралась войти в холодную воду.

Долго ждать не пришлось. Мисс Торн вернулась через минуту.

– Следуйте, пожалуйста, за мной. Маэстро вас примет.

Они снова прошли через холл, где, к сожалению, все дела так и не были закончены. Как хорошо было бы, подумал Адам, если б Меркурий улетел, фурии исчезли, барс, насытившись, успокоился, Лаокоон наконец одолел змей, а дракон оказался поверженным. Но нет, тут все оставалось как прежде.

Мисс Торн повела их вверх по лестнице, идя почти на цыпочках.

И вот они наконец оказались перед дверью в святая святых. Мисс Торн ее благоговейно открыла и заглянула внутрь.

– Да, прошу заходить, – раздался брюзгливый голос.

Через мгновение они предстали перед божеством, которое не высказало желания, чтобы мисс Торн присутствовала при разговоре.

– Можете идти, Беатрикс, – произнес композитор с некоторым раздражением.

– Но вы?..

– Да, да. Оставьте меня одного с джентльменами.

– Хорошо, маэстро. Но умоляю вас, не утомляйтесь.

– Я прекрасно себя чувствую.

– У меня и в мыслях не было, маэстро, что вы плохо себя чувствуете. Вам просто не следует без надобности утомляться.

– Прошу вас, Беатрикс, уходите.

– Хорошо, маэстро. Но если я вам понадобится, пожалуйста, позовите.

– Сомневаюсь, что вы мне понадобится.

– Но если все-таки...

– Тогда я вас позову. А сейчас, пожалуйста, оставьте нас.

Тяжело вздохнув, мисс Торн удалилась.

Маэстро встал встретить гостей. Он был невысокий, полноватый, еще не старый. Крупная голова, очки в роговой оправе. Правда, выглядел он несколько изможденным.

– Рад встрече, – произнес маэстро с еле заметным выговором кокни. – Я понял так, что вы по поводу «Орестей». Кто из вас поет?

– Вы что, меня забыли, Шортхаус? – спросил Адам.

– О, Лангли, конечно, я вас помню. Глупо было с моей стороны спрашивать такое. Так вы переходите в Метрополитен? Надо же, в последнее время мы теряем наших певцов одного за другим. Пожалуй, я сыграю вам арию Агамемнона из второго акта. Это даст вам представление об опере в целом.

– Позвольте представить. Это профессор Фен из Оксфорда.

– Рад познакомиться. Очень мудро поступили руководители Метрополитен-оперы, пригласив в качестве агента такого образованного человека.

– Нет-нет, профессор никакого отношения к Метрополитен-опере не имеет.

– Но как же, ведь Беатрикс сказала...

– Она не хотела сообщать вам о нашем приходе и пришлось схитрить, – признался Адам.

– Это меня не удивляет, – спокойно заявил маэстро. – Она редко кого ко мне допускает. – Он подошел к окну и увидел «Лили Кристин». – Какой славный маленький автомобиль. Хорошо бы иметь такой.

– Но разве вам кто-то мешает приобрести автомобиль?

– Конечно, Беатрикс. Она буквально помешана на защите меня от шума. Попавшие в наш дом люди ходят очень тихо, как будто здесь покойник. Вообще-то такое положение меня раздражает. – Он повернулся к гостям: – Пожалуйста, садитесь куда пожелаете.

Они осмотрелись. Гостиная у маэстро была обставлена скромно. Кроме рояля «Стейнвей», занимающего большую часть пространства, из мебели был только высокий дубовый стол, заваленный нотными листами, за которым маэстро работал стоя, и несколько стульев.

Фен и Адам очистили для себя от нот по одному и сели. В вазе стояли увядшие оранжерейные цветы, на стене покосившаяся фотография Беатрикс Торн и маэстро, смущенно глядящих друг на друга.

Маэстро заходил по комнате туда-сюда.

– Я понятия не имею, что происходит в доме. Беатрикс меня от всего оградила. Ну нельзя же так, в конце концов. Кстати, у вас ко мне, наверное, какое-то дело?

– Да, – сказал Адам. – Мы приехали поговорить о вашем брате.

– Ах, Эдвин. – Маэстро всплеснул руками. – И как он там поживает, мой дорогой мальчик?

– Но вам должно быть известно, что он умер.

– Ах да, конечно. Сегодня утром пришла телеграмма. И когда похороны? Впрочем, я, наверное, не приеду.

– Есть подозрение, что его убили.

Маэстро нахмурился:

– Убили? Вчера? Надо же как совпало.

– Что значит «совпало»?

– Должен вам признаться, – маэстро наклонился, словно желая сообщить что-то по секрету, – ведь я сам замышлял убийство Эдвина.

– Вы это серьезно? – спросил потрясенный Адам.

– Ну, разумеется, нет, – ответил маэстро. – Взгляните на меня. Разве я похож на убийцу?

– Тогда в чем же дело? – вмешался Фен, закуривая сигарету.

– А в том, что Эдвин мог мне помочь в постановке «Орестеи». Во-первых, он был прекрасный певец, это общеизвестно. Просто замечательный. И, несомненно, украсил бы мою оперу. А во-вторых, и это главное, его деньги. Я на помощь Эдвина сильно рассчитывал. Но сам он, конечно, никогда бы денег на постановку «Орестеи» не предложил. Надо было встретиться, поговорить, попросить как следует. И как раз вчера вечером мы собирались встретиться у него в гримерной в театре. Я послал ему письмо, назначил время и место.

– А почему именно в театре, а не дома? – спросил Фен.

– Отношения у нас были непростые, так что на нейтральной территории разговаривать было бы легче. Но ничего не получилось. Ответа на письмо он не прислал.

– То есть вы с ним не увиделись?

– Нет. Но я все же приехал на случай, а вдруг он в своей гримерной появится. Мы выехали отсюда с Беатрикс в девять на большом несуразном, сильно грохочущем автомобиле, совсем не таком симпатичном и маленьком, как ваш. В Оксфорд прибыли в половине одиннадцатого. И тут, честно говоря, я пал духом и не решился идти в театр. Побоялся напороться на грубость. Мне как раз встретился приятель, и мы пошли в «Булаву и скипетр» выпить кофе. Где-то в полночь поехали назад.

– И вы все это время с мисс Торн не расставались?

– Наверное. – Маэстро задумался. – Впрочем, я не уверен. Может быть, кто-то из нас куда-нибудь отходил. Не помню. Но, если честно, – прошептал он, поглядывая на дверь, – я совсем не против хотя бы временно с ней, как вы удачно заметили, расстаться. Но это другая история.

– И кто он, этот ваш приятель? – спросил Фен, вздыхая.

– Уилкс, – ответил маэстро. – Очень симпатичный джентльмен. Вы же из Оксфорда, так что должны его знать.

– Да, – грустно проговорил Фен, – этот джентльмен мне знаком и даже больше, чем хотелось бы⁹. – Он посмотрел на маэстро: – Вы сказали, что в мечтах замыслили убийство брата. И как вам это представлялось?

– Я убивал его ножом, – произнес маэстро и сделал театральный жест. – Причем несколько раз проворачивал его в ране, чтобы потом не смогли определить размер лезвия. Подобный прием описан в одном или двух детективных романах. Я, знаете ли, любитель такого чтения.

Фен встал:

– Извините, но нам пора.

– Может быть, вы все же слушаете что-нибудь из «Орестеи»? – спросил маэстро.

Фен пожал плечами:

– К сожалению, нет времени.

– Но в Метрополитен все же должны иметь представление о моей опере.

– Вы забыли, Шортхаус, – вмешался Адам, – профессор Фен не имеет к Метрополитен-опере никакого отношения.

Маэстро грустно покачал головой:

– Очень жаль. Я, знаете ли, с годами становлюсь рассеянным.

Он открыл для них дверь.

– Всего вам доброго. И буду ждать предложений от американцев. Передайте, что мои условия очень мягкие.

⁹ Уилкс – персонаж романа Эдмунда Криспина «Убийство в магазине игрушек» (1946).

Глава 11

Элизабет проводила взглядом автомобиль, на котором Фен и Адам выехали из главных ворот Сент-Кристофер, и, когда он скрылся из вида, почти пожалела, что не поехала с ними. Ведь Оксфорд во время каникул – скучнее места не найдешь. Если кое-где случайно встречались прогуливающиеся преподаватель или студент, то это лишь подчеркивало пустоту. Всюду были развешаны объявления, предупреждающие публику большими черными буквами о временном запрете входить в сад колледжа. В своих сторожках дремали швейцары, теперь их редко беспокоили. А если такое случалось, то они воспринимали это как неслыханную дерзость. В церквях, обычно заполненных во время служб прихожанами, теперь стало тихо. Священник перед немногочисленной паствой уныло произносил проповедь, а те украдкой позевывали.

Все это несколько угнетало, и Элизабет в растерянности стояла, не зная, куда направиться. Можно было вернуться в отель и провести день за чтением, посетить книжный магазин, посмотреть новинки или пойти в кино. Но ничто из этого ее не привлекало, и потому Элизабет неожиданно решила увидеть свою альма-матер, Колледж Сомервилл, и направилась туда по Вудсток-роуд.

Однако здесь ее постигло разочарование. Привратница сообщила, что все преподаватели в отпусках. Наверное, разъехались по курортам, подумала Элизабет, – одни в Швейцарию, другие – во Францию.

Элизабет пошла прочь, теперь уже нисколько не жалея, что не удалось встретиться и поболтать со своими старыми приятельницами. Не очень-то и хотелось. Она зашла по пути в телефонную будку позвонить нескольким знакомым, говорила, пока не кончились монеты, а потом двинулась в сторону университетской библиотеки. Захотелось взглянуть на новую книгу по отпечаткам пальцев автора из Германии. И после этого, что было уже неизбежно, пошла в кино.

Посмотрела два фильма. Один документальный, дико скучный, что-то о тех, кто «живет на земле», выращивает пшеницу, овощи и так далее. Второй художественный, про шпионов времен войны. Очень невнятный. Почти до самого конца она не могла разобраться, кто на какой стороне.

Кинотеатр Элизабет покинула в состоянии черной тоски. Задержалась, чтобы посоветовать пожилому джентльмену, собравшемуся купить билет, не тратить время и деньги.

Затем последовали долгие и нудные поиски виргинских сигарет. Наконец, получив заветную пачку, Элизабет, усталая, замерзшая и раздосадованная, в половине пятого вернулась в отель. В баре за накрытыми белыми скатертями столами сидели люди, в небольшом количестве, и вкушали чай. Среди них она заметила Джоан Дэвис и Карла Вольцогена.

Увидев Элизабет, они пригласили ее попить с ними чаю. Она отказалась. Сказала, что очень устала и хочет пойти полежать.

Карл Вольцоген встал.

– Пожалуйста, миссис Лангли, посидите с нами. – Он повернулся к Джоан: – Я как-то сказал ее будущему мужу, что она была бы великолепным Октавианом для вашей маршальши.

Элизабет хотя и повеселела, но все же не была склонна оставаться.

– В другой раз обязательно. А сейчас мне надо переодеться, а кроме того, тут придется долго ждать, пока обслужат.

Карл грустно кивнул:

– Ganz wahr¹⁰. Но я потороплю официанта. Скажу, что вы приятельница человека, который встречался в Байройте с самим Вагнером, и он все сделает быстро. Вот увидите.

– Сомневаюсь, что официант знает, кто такой Вагнер, – заметила Джоан.

– Не знает, кто такой Вагнер? – ошеломленно воскликнул Карл. – Это невероятно... – Он замолк, чтобы переварить такое жуткое откровение. – Эх, вы, англичане! Недаром ваш поэт Арнолд¹¹ назвал вас обывателями. А чего стоит номер, где я остановился.

– Карлу не нравится его номер, – пояснила Джоан.

– Ach, ja¹², – мрачно подтвердил Карл. – Там всюду кружева и эти... как вы их называете? Такие зеленые цветы в больших глазированных горшках.

– Фикусы?

– Ja, gewiss¹³. Но ничего не поделаешь, приходится мириться.

– Ну как, продвинулось ли расследование смерти Шортхауса? – спросила Элизабет.

– А что может еще продвинуться? – удивился Карл. – Он мертв. И это большая для всех нас Божья милость. Будем надеяться, что убийца останется неизвестным.

– Ну, вы зря так, полиция старается, – промолвила Джоан. – Впрочем, Элизабет, скорее от вас мы должны узнать о ходе расследования. Вы же общаетесь с профессором Феном. Я слышала, что Эдвин покончил с собой.

Элизабет отрицательно покачала головой:

– В детективных анналах описаны случаи, когда самоубийцы так обставляли свой уход из жизни, чтобы он выглядел как убийство. Но в случае Эдвина Шортхауса такое маловероятно.

– А у вас самой есть какие-то версии? – спросила Джоан. – Как у эксперта.

– У меня не только версия, – неожиданно вырвалось у Элизабет. – Мне кажется, я знаю, кто это сделал.

Джоан приподняла брови:

– Знаете? И уже сказали об этом в полиции?

Элизабет отрицательно покачала головой:

– Для этого нужны доказательства, а у меня пока их нет.

– Может быть, поделитесь с нами?

– Наверное, не стоит. К тому же не исключено, что я ошибаюсь.

Джоан улыбнулась:

– Правильно, не стоит. Зачем посылать благодетеля на виселицу.

Элизабет понимающе кивнула:

– Конечно, убийство вряд ли можно считать благодеянием, но... А как с постановкой? – Она посторонилась пропустить спешащего официанта.

– Сегодня приезжает Джордж Грин, он будет петь Сакса. Голос у него не такой богатый, как у Эдвина, но зато он прекрасный актер. Премьеру если и отложат, то ненадолго. Джордж хорошо знает материал. Кстати, а где Адам?

– Поехал с профессором в Амершем поговорить с Чарльзом Шортхаусом.

– Если их пропустит эта ведьма Беатрикс. Желательно бы ему поскорее возвратиться, вечером репетиция.

– Вряд ли он догадается, что сегодня назначили репетицию, – сказала Элизабет.

– Но Джордж Грин уже приехал, и к тому же полиция разрешила работу в театре.

¹⁰ Вы совершенно правы (нем.).

¹¹ Арнолд М. (1822–1888) – поэт и культуролог.

¹² Ах да (нем.).

¹³ Да, конечно (нем.).

– Я пойду, – сказала Элизабет, осознав, что Карл Вольцоген все еще из вежливости стоит. – И большое спасибо за приглашение.

По дороге к лифту она нещадно себя ругала. Зачем ни с того ни с сего ляпнула, что знает, кто убийца. Правда, у нее было смутное подозрение насчет Бориса Стейплтона, но без всяких оснований. И вообще пока было не ясно, убил ли Эдвин себя сам, или кто-то ему помог. Захотелось похвастаться. Элизабет покраснела и прикусила губу. Почему-то вспомнился утренний разговор с метрдотелем. За завтраком с ними сидел какой-то словоохотливый мужчина и все время надоедал разговорами. Она попросила, чтобы метрдотель никого больше к ним за стол не сажал. Он пообещал, слушая ее с насмешливым почтением.

В лифт она вошла в настроении хуже некуда.

Двухкомнатный номер на третьем этаже, который они занимали, был с ванной. Элизабет вначале нашла горничную и заказала чай, затем вошла, сняла пальто, бросила сумку на туалетный столик и тяжело опустилась на диван. Посидела, немного успокоилась и решила, что лучший способ поднять настроение – это принять горячую ванну.

Элизабет зашла в ванную комнату, разделась, забыв проверить, плотно ли закрыта дверь. Ее достаточно было захлопнуть – дверь снаружи открывалась только ключом. А когда наклонилась открыть краны, зазвонил телефон.

Элизабет повернула голову, и в то же мгновение ее горло крепко сжали твердые сильные пальцы. Она не успела даже крикнуть, как провалилась в черноту.

Придя в себя на полу, Элизабет глянула на часы и поняла, что пролежала здесь минут десять.

В дверь постучали.

Она медленно поднялась на ноги, натянула халат и нетвердым шагом вышла.

– Кто там?

– Ваш чай, мадам.

– Открываю, входите.

Пожилая горничная внесла поднос, поставила на стол, выпрямилась.

– Извините, мадам... с вами все в порядке?

Элизабет попыталась улыбнуться:

– Все нормально. Спасибо. – Почувствовав головокружение, она села. – Вы, случайно, не видели, выходил ли из этого номера кто-нибудь в последние несколько минут?

– Да, мадам, – живо откликнулась горничная. – Когда я проходила по коридору, отсюда вышла высокая дама, блондинка, в темно-синем пальто. Я заметила еще вязаный джемпер. Мне показалось, что она торопилась.

– Я... все поняла. Спасибо.

– Вам нужна какая-то помощь, мадам? – спросила горничная с материнским участием. – У вас нездоровый вид.

– Нет-нет, со мной все в порядке. Спасибо. – Элизабет снова попыталась улыбнуться, на этот раз получилось. – Просто немного закружилась голова. Теперь уже прошло.

Когда горничная ушла, Элизабет первым делом посмотрелась в зеркало. На шее отчетливо виднелись красные следы пальцев, которыми ее душили. Почему злодей не довел дело до конца, пока было не ясно. Возможно, ему что-то помешало.

«Высокая дама, блондинка...»

Скорее всего это была Джоан Дэвис. И что же?

Да, вот на столе записка.

*Вас не было, так что оставляю записку. Передайте Адаму, что репетицию назначили на пять, однако не думаю, что все придут вовремя.
Джоан.*

«Ну конечно, – подумала Элизабет, – я лежала на полу в ванной комнате, и Джоан решила, что меня нет».

Элизабет вернулась в ванную и наспех помылась. За окном шумели проезжающие машины, лилась вода из кранов, и она не слышала, как кто-то в гостиной прокрался к двери, затем негромко щелкнул замок.

Элизабет вылезла из ванны, вытерлась, прошла в спальню, оделась. Сдерживая дрожь в руках, привела в порядок волосы и тщательно подкрасила губы.

Затем села за стол, взяла чашку с чаем и поднесла ко рту.

Глава 12

На обратном пути Джервейс Фен остановил машину в Хай-Уикоме закрепить крыло автомобиля. Механик с помощником, как и положено в таких случаях, осматривали машину со всех сторон, охали, обменивались малопонятными фразами. Затем объявили о наличии у «Лили Кристин» еще нескольких поломок, требующих немедленной починки. Но Фен на провокацию не поддался, и в результате, пока пили чай, крыло закрепили, и они двинулись в путь.

– Но не надо думать, что Чарльз Шортхаус такой наивный, – произнес Адам, продолжая прерванный разговор. – Он совсем не дурак.

– Не дурак, – согласился Фен. – Но только в своей сфере деятельности. Я давно заметил, что композиторы в том, что не касается музыки, разбираются не лучше, чем любой простой смертный. Да и в музыке не всегда. Возьмем, например, Чайковского. Этот гений почему-то не находил ничего интересного в произведениях Брамса и того же Вагнера, признавал только Бизе. Нет, к намерению Чарльза убить брата следует отнестись серьезно. И не очень доверять рассказу о том, как он провел вчерашний вечер.

– Вы думаете, Чарльз соврал?

– Ну, не обязательно соврал. Вполне возможно, сказал правду. Ведь маэстро сознавал, что о его пребывании в Оксфорде как раз в то время, когда погиб брат, станет известно. И позаботился сообщить нам об этом заранее, тем самым отвести подозрение.

– Но если он хотел избежать подозрения, зачем надо было рассказывать о своем намерении убить брата?

– Возможно, это такой изощренный блеф, – ответил Фен. – А я допускаю, что он на самом деле замыслил убийство. Эти братья стоят друг друга. Чарльз Шортхаус готов безжалостно расправиться с любым, кто станет на пути продвижения его произведений. Он относится к психотипу так называемых мономаньяков. Это разновидность паранойи – навязчивая, чрезмерная увлеченность одной идеей или субъектом. Впрочем, и Вагнер был такой, хотя их даже сравнивать неприлично. Но конечно, важны не намерения, а сделал ли он это на самом деле.

– Надо найти приятеля, с которым Чарльз сидел в «Булаве и скипетре», – сказал Адам.

– Да, сразу начнем искать Уилкса, как только приедем. Вы ведь тоже остановились в этом отеле?

Адам кивнул, напрягаясь перед приближением к очередному перекрестку.

– Любопытно было услышать, что Чарльз Шортхаус не весь вечер провел со своей спутницей. А вдруг это она осуществила его замысел?

Адам пожал плечами:

– Вряд ли ей было под силу подвесить такую глыбу, как Эдвин Шортхаус.

– Это, конечно, верно, – согласился Фен, – но такой версией пока пренебрегать не следует. Я по-прежнему не представляю, как это было сделано. У меня были кое-какие предположения, но чем больше я размышляю об этом, тем менее они мне кажутся убедительными. В любом случае, теперь нам известна причина, почему Эдвин Шортхаус находился в своей гримерной так поздно вечером.

– Вы думаете, он ждал брата? – засомневался Адам. – А мне кажется, этому есть более простое объяснение.

– Какое?

– Дело в том, что года два назад, когда мы играли «Фальстафа» в Кембридже, квартирная хозяйка Эдвина категорически запретила ему держать в доме спиртное, и он хранил свои запасы в театре. Здесь могло быть то же самое.

– Мы это скоро выясним, – сказал Фен. – Где он остановился?
– В Холивелле. Номер я не помню, но дом узнаю, когда подъедем.
– Мне казалось, что такой человек мог себе позволить жить в отеле.
– Конечно, мог, – отозвался Адам, – если бы не его скупость.
– Какое же скопление смертных грехов вмещал в себя этот бедолага, – проговорил Фен, рассеянно поглядывая на дорогу и приводя этим Адама в смятение. – Я сегодня должен обязательно увидеться с Пикокком и поговорить с Джоан Дэвис о Стейплтоне и его девушке. Женская интуиция тут может быть очень полезна.

В пятнадцать минут шестого они пересекли мост и свернули на Холивелл. Предположение Адама насчет квартирной хозяйки оказалось верным. Крупная меланхоличная женщина, явно религиозная, в разговоре с ними, перевирая, цитировала Библию относительно того, где находится душа после смерти. Было ясно, что она весьма невысокого мнения о своем покойном постояльце и у нее нет сомнения, где будет пребывать его душа. Как только заговорили о спиртном, она тут же заявила, что в ее доме ему не место. Это подвигло Фена на бесплодный спор о первом чуде, совершенном Иисусом во время брачного пира в городе Кане, близ Назарета, когда Он претворил воду в вино. Но она осталась непреклонной. Это немного задержало их отъезд.

– Вы оказались правы, – заметил Фен, когда они двигались обратно по Брод-стрит. – Ну, слава богу, одной проблемой меньше.

– И как вы собираетесь найти этого Уилкса? – спросил Адам.

– Поищу в барах, – ответил Фен без тени сомнения.

– Вы с ним хорошо знакомы?

– Слишком хорошо. Мы с ним коллеги. Он пожилой, но очень шустрый. Дошел до того, что принялся воровать у меня виски.

Им повезло. Они нашли Уилкса сразу, он ждал открытия бара в «Булаве и скипетре».

Фен представил Адама и сразу перешел к делу:

– Вы действительно провели вчерашний вечер в обществе композитора Чарльза Шортхауса?

– А вам-то что, с кем я провожу время? – сразу огрызнулся Уилкс. – Нехорошо совать нос в чужие дела.

– Человека убили. Я веду расследование.

– Ах вот оно что.

– Ну и как насчет вчерашнего вечера? Вы встречались с Чарльзом Шортхаусом?

– Да, – ответил Уилкс. – Он был со своим дьяволом с юбки.

– Каким еще дьяволом? – притворно удивился Фен.

– Дьявола зовут Торн, – раздельно произнес Уилкс. – Это фамилия такая, Торн. И носит ее пигалица, похожая на гиену.

– Понятно.

– Приехали они где-то в половине одиннадцатого. Мы пили кофе. А в одиннадцать эти двое подхватились и куда-то сбежали.

– Что значит сбежали?

– А то и значит, – ответил Уилкс. – Сидели, сидели и вдруг засуетились, наверное, была причина. Так ведь просто не станешь срываться с места. Вернулись не раньше половины двенадцатого.

– Ушли и вернулись вместе?

На это Уилкс ответил снисходительным кивком.

– Они как-то объяснили свое отсутствие?

– Позвольте вспомнить. – Уилкс задумался, блуждая взглядом по вестибюлю. – Да. Шортхаус по секрету признался мне, что собирался убить своего брата.

Фен усмехнулся:

– Но вы, разумеется, восприняли это как шутку?

– Да нет, он, когда говорил, мне показалось, не смеялся.

– Ну, не обязательно смеяться. Шутить можно и с серьезным видом.

– Не знаю. Может, он и вправду это сделал.

– Он не он, но кто-то сделал определенно. – Фен встал. – Ладно, удачно вам сегодня напиться.

– Выходит, у Чарльза Шортхауса и Беатрикс Торн нет алиби, – сказал Адам, когда они отошли на некоторое расстояние.

– Так же как у Стейплтона и Джудит Хайнс, – заметил Фен.

На пути к лифту их догнал посыльный и передал записку.

– Боже, – воскликнул Адам, – оказывается, сегодня назначена репетиция. В театре беспокоятся, почему меня нет. – Он посмотрел на часы. – Я уже опоздал, но постараюсь скоро быть там.

– А где ваша жена?

– Наверное, где-то здесь. Пожалуй, я перед уходом пойду посмотрю, как она.

Адам подошел к стойке:

– Пожалуйста, ключ от семьдесят третьего номера.

– Миссис Лангли взяла его, сэр, примерно час назад.

– Значит, она наверху. – Он повернулся к Фену: – Давайте зайдем на минутку.

Они поднялись в лифте, Адам постучал в дверь. Никто не отозвался.

– Странно. Неужели она ушла куда-то с ключом?

Он постучал снова, и через несколько секунд оттуда донеслось:

– Кто там?

– Дорогая, это я.

– Ты один?

– Нет, со мной профессор Фен. А ты что, не одета?

Дверь распахнулась. В проходе стояла Элизабет, часто дыша, бледная.

– О... Адам...

Он ее обнял.

– Что случилось, дорогая?

Пытаясь подавить слезы, она с трудом улыбнулась:

– Понимаешь... кто-то хотел меня отравить.

Глава 13

Гостиная была типовая, как в любом другом отеле такого класса. Шторы на окнах, жалюзи, многочисленные светильники, половина из которых были не нужны.

Фен небрежно повесил на вешалку у двери свою шляпу и устроился в кресле. Закурил. Затем посмотрел на Элизабет:

– Итак?

– Аконитин, – коротко ответила она и кивнула на поднос, где стояла полная чашка. – В чае.

– И как вы догадались? – спросил Фен.

– Отпила небольшое количество и подержала во рту. Через пару секунд губы стали неметь.

– У вас имелась причина подозревать что-то неладное?

Элизабет кивнула. Ее красивые большие глаза сейчас были совершенно серьезными.

– Да, довольно основательная причина. Дело в том, что...

Дальше она подробно рассказала, как провела день.

– В результате у меня появились сомнения насчет чая. Я не зря изучала криминалистику. Попробовав чай, я решила до прихода Адама никуда отсюда не выходить.

Адам нежно сжал ее руку. Они были не из тех, кто выставляет чувства напоказ.

– Что скажете, Джервейс?

– Кое-кто испугался, я так думаю, – отозвался Фен. – И в какое время это случилось?

– Между половиной пятого и пятью.

– Так-так. – Фен встал, взял с подноса чашку с чаем. – Думаю, мне следует попробовать. А вдруг вы ошибаетесь?

– Может, не надо? – встревожился Адам.

– Все будет в порядке, друг мой. Поверьте, я не хочу прежде времени предстать перед Страшным судом.

Фен осторожно глотнул из чашки и скрылся в ванной комнате. Через пару минут вышел.

– Да, вы совершенно правы. Это аконитин. Подобный эффект мог вызвать вератрин, но он не так доступен. Конечно, я отправлю чай на анализ, но ответ будет только через несколько дней.

– Выделение токсиантов по методике Стаса-Отто, – добавила Элизабет, чтобы подчеркнуть свою эрудицию.

– Этот аконитин достать трудно? – спросил Адам.

– Нет ничего проще, – ответил Фен. – Достаточно летним днем выйти в поле и нарвать травы. Она называется борец аптечный, он же аконитин сборный клобучковый. Затем принести домой, высушить корни, растолочь, и вот пожалуйста. – Он беспокойно задвигался по комнате. – Мотивом для нападения могло послужить ваше опрометчивое замечание, что вы знаете имя убийцы. Но... – Фен резко остановился, – все это было не настолько серьезно, чтобы вызвать тревогу. – Он снова принялся ходить по комнате. – Вы сказали, что вскоре после этого в вашем номере побывала Джоан Дэвис и оставила записку. Видимо, она поступала и спугнула нападавшего. Он где-то здесь спрятался.

– Потом, когда он собирался выйти из своего убежища, – продолжил Адам, – пришла горничная с чаем. Она уходит, Элизабет возвращается в ванную, а злоумышленник подсыпает в чай аконитин и скрывается за дверью.

– Значит, это определенно не была мисс Джоан, – заключила Элизабет.

– Но она могла пытаться вас задушить, а уже после нее появился некто с аконитином, – сказал Фен.

– То есть, вы полагаете, со мной решили свести счеты два человека?

– Я просто хотел подчеркнуть многообразие вариантов.

– Но скорее всего было так, как мы предположили вначале. Сомневаюсь, что Эдвина убила Джоан Дэвис. Она его, конечно, не любила, – а кто вообще его любил? – но он ей особенно не докучал. Неужели нападение на Элизабет и аконитин в чае как-то связаны с гибелью Эдвина Шортхауса?

– Это возможно, – согласился Фен. – Однако могло быть и так: Джоан Дэвис по какой-то причине, не имеющей отношения к Шортхаусу, так возненавидела Элизабет, что решила ее убить.

– Но это абсурд.

– А если она в вас влюблена, Адам?

– Да бог с вами, Джервейс.

– Почему же? Влюблена, а вы этого не замечали.

– Нет, профессор Фен, – подала голос Элизабет, – такую версию вы можете с уверенностью исключить.

– Хорошо. – Фен кивнул и, нахмурившись, начал смотреть в окно на кирпичный фасад Нового театра.

– Вы не обратили внимания, душившие вас руки были в перчатках?

– Да, – быстро ответила Элизабет. – В перчатках, совершенно определенно.

Фен открыл гардероб, взгляделся и, не удовлетворившись этим, даже залез на короткое время вовнутрь. После чего заглянул под кровать.

– Нужно поговорить с Джоан Дэвис. Может быть, она кого-нибудь здесь видела.

– Джоан сейчас на репетиции, – сказал Адам. – И я там тоже должен быть.

Фен закурил сигарету и посмотрел на Элизабет:

– Пока в этой истории хотя бы что-то не прояснится, вам нельзя оставаться одной. Давайте вместе пойдем на репетицию.

Они начали одеваться.

– А как прошел визит в Амершем? – спросила Элизабет.

– Так, ничего интересного, – ответил Фен и рассказал ей вкратце о разговоре с Чарльзом Шортхаусом. – Кстати, он большой оригинал.

– Оригиналу, – подтвердил Адам.

– Думаю, маэстро на этом давно спекулирует. – Фен вскинул голову. – Ну как, готовы?

Они вышли в коридор, профессор сразу остановил проходящую горничную. Попробовал выяснить у нее, посещал ли кто-нибудь сегодня в половине пятого семьдесят третий номер. Но ничего не добился. Потом побеседовал еще с двумя и узнал от них, что в указанное время все четыре горничные в гостиной заваривали чай. А Эффи понесла поднос в какой-то номер.

С Адамом и Элизабет он отправился искать эту Эффи. В беседе с ней, – это была та самая пожилая горничная, – выяснилось, что она видела в коридоре Джоан Дэвис. Кроме того, Фен убедился, что яд подсыпали в чай уже после того, как Эффи доставила его в номер.

– А в каких номерах живут другие участники спектакля? – спросил он.

– Пикок в номере через несколько дверей справа от нас по коридору, – сказал Адам. – Джоан этажом выше. Джон Барфилд этажом ниже. Но мы можем уточнить у портье.

Портье внизу сообщил им то, что требовалось.

– Вот видите, – проговорил Фен, когда они отошли в сторону, – как легко было узнать номер, где вы живете.

– Наверное, надо сообщить в полицию, – сказал Адам.

– Инспектор Мадж, возможно, в театре. Если нет, я позвоню ему оттуда.

– Но Чарльз Шортхаус и его домоправительница тут ни при чем?

– Почему же. Мы ведь останавливались в Уикоме починить крыло, а из Амершема в Оксфорд можно добраться по другой дороге. Так что они могли приехать раньше нас. – Он повернулся к портье: – Вы знаете Чарльза Шортхауса в лицо?

– Нет, сэр, – ответил пожилой портье, оправляя синий костюм с галунами. – Только мистера Эдвина Шортхауса.

Фен вздохнул.

– Тогда надо спросить официанта, который обслуживал их вчера вечером, не видел ли он этого джентльмена сегодня.

Через минуту обнаружилось, что у этого официанта сегодня выходной.

Фен кивнул:

– Теперь нам ничего не остается, как идти в театр.

Глава 14

К их приходу репетиция зашла в тупик. Многие исполнители и оркестранты решили, что сегодня свободный день, и с утра разошлись кто куда в поисках развлечений, какие в будний день мог предоставить Оксфорд. Но поскольку новый Сакс прибыл с завидной оперативностью, – Джордж Грин был грамотный опытный певец, Адам его давно знал, и он ему нравился, – то режиссер Резерстон при отсутствии в оркестре примерно трети музыкантов все же прогнал с ним все мизансцены. Пикок не стал отпускать присутствующих по домам, а объявил перерыв в надежде, что остальные солисты и музыканты все же появятся. Ведь до премьеры оставалось меньше недели.

В зрительном зале горели несколько ламп, но можно было разглядеть великолепную лепнину на потолке и балконы со светящимися часами в центре. В обе стороны от них расходились ложи ярусов с синими бархатными занавесями. Над авансценой в арочном проеме помещалась картина в резной раме с двумя полуобнаженными молодыми женщинами. Сладоострастно изгибаясь, они прижимали к губам ангельские трубы.

– Это олицетворение прокторской власти, – заметил Фен, – призывающей университетскую молодежь к добродетели и трезвости.

На сцене Резерстон жаловался Джорджу Грину, новому исполнителю роли Сакса, на поведение подмастерьев в конце второго акта.

– Носятся по сцене как стадо оленей, на которых напал пекинес.

В оркестровой яме тромбонист весьма прилично имитировал полет истребителя на полной скорости, а кларнетист негромко наигрывал джаз.

Джон Барфилд в первом ряду партера поглощал крупный апельсин.

Адам пошел извиниться перед Пикоком за опоздание. Он нашел его за кулисами беседующим с антрепренером Леви, крупным, добродушным австрийском евреем. По-английски он говорил свободно, но с сильным акцентом.

– А, Лангли, здравствуйте, – обрадовался Леви. – Ну что за кошмар у вас тут творится. Schrecklich, gar fabelhaft¹⁴. Признаюсь, я терпел этого пьяницу из-за голоса. Думаю, он был второй после Шаляпина. Но теперь, когда с ним кто-то жутким образом расправился, ничего не поделаешь.

Адам представил Фена.

– Но мы выпустим спектакль, – продолжил Леви. – Непременно. – Он погладил Пикок по спине. – Посмотрите, какой у нас замечательный маэстро. А как он держит оркестр. Они делают в точности то, что хочет дирижер. И духовики, – Леви повернулся к Фену, – представляете, духовики, когда он говорит, слушают с раскрытым ртом. – Он рассмеялся. – И контрабасисты тоже. Они вообще грубияны, на концертах перемигиваются с девушками из публики, но с нашим маэстро ведут себя как шелковые. – Леви похлопал по плечу смущенного Пикок, после чего, пожелав всем удачи, откланялся. Ему пора было возвращаться в Лондон.

Начали подходить опоздавшие оркестранты. Трубачи тут же принялись раздуваться, скрипачи и виолончелисты настраивали инструменты.

– Я думаю, скоро можно будет и начать, – произнес повеселевший Пикок.

– Как видите, смерть Эдвина Шортхауса никого здесь не опечалила, – произнес Адам, оглядывая артистов, готовящихся к репетиции.

Фен кивнул:

– Вы знаете, мне даже как-то неловко в такой ситуации искать убийцу.

¹⁴ Страшно до жути (нем.).

К ним подошла Джоан Дэвис. Адам их познакомил.

– Я видел вас в роли маршалши, – сказал Фен. – Это было чудесно. В прошлом году слушал Лотту Леман¹⁵. Вы нисколько не хуже.

Джоан улыбнулась:

– Вы мне льстите.

Они помолчали.

– Уже твердо решено, что это было убийство? – спросила она.

– Я в этом убежден, – ответил Фен. – А как полиция, не знаю.

Затем Джоан неожиданно произнесла:

– Профессор, я в смятении. Мне нужна ваша помощь.

– Рад вам услужить, – отозвался Фен. – Тем более что я собирался с вами поговорить.

Мы можем отойти?

Джоан подошла к стоящему неподалеку Пикоку:

– Джордж, с какого места мы начинаем?

– С собрания мастеров и песенного состязания, – ответил Пикок.

– Тогда я пока не занята. – Она повернулась к Фену: – Пойдемте ко мне в гримерную.

Фен в свою очередь повернулся к Адаму:

– Вы можете петь и одновременно следить за своей супругой?

– Вполне.

– А зачем следить? – спросила Элизабет. – Со мной будет все в порядке.

– Наверное, именно так ответил Цезарь на вопрос Кальпурнии в мартовские иды¹⁶. Так что, пожалуйста, без особой нужды никуда не отходите.

– О чем идет речь? – поинтересовалась Джоан. – Почему с Элизабет что-то может быть не в порядке?

– Я вам скоро объясню, – пообещал Фен. – Надеюсь, ваша гримерная не на последнем этаже? Стыдно признаваться, но я уже не молод. И ноги уже не те. Как говорится: *mon beau printemps a fait le saulêr par la fenetre*¹⁷.

– Не беспокойтесь, мы уже пришли, – успокоила его Джоан, открывая дверь гримерной.

Комната была такой же, что и та, где встретил свой конец Эдвин Шортхаус, но ее содержание выглядело, разумеется, совсем по-другому. Фен в очередной раз изумился тому, как женщины могут сделать любой беспорядок симпатичным и уютным. Одежда, косметика, книги, фотографии, разные случайные вещицы...

Джоан включила электрокамин, они сели рядом, закурили.

– И какие же у вас затруднения? – спросил Фен.

– Понимаете, – начала Джоан, – вчера вечером после ужина я и еще несколько участников спектакля собрались посидеть в баре, обсудить ситуацию. Мы были сильно удручены тем, как прошла репетиция. И одинаково сожалели о том, что родители Эдвина когда-то встретились. И тут я ляпнула – хорошо было бы отравить его. Конечно, не на смерть, а только чтобы он не мог петь. Кто мог знать, что через некоторое время Эдвин Шортхаус будет найден мертвым. Все бы ничего, но сегодня нас по очереди опрашивал инспектор Мадж, и кто-то ему рассказал об этом.

– Понимаю, – протянул Фен, выпустив кольцо дыма.

¹⁵ Лотта Леман (1888–1976) – знаменитая немецкая и американская оперная певица.

¹⁶ Кальпурния – римская матрона, третья жена Юлия Цезаря; утром она отговаривает его идти в Сенат, но он ее не слушает; через несколько часов его там убивают. Это случилось в мартовские иды – 15 марта по римскому календарю.

¹⁷ Моя весна и лето красное навек прошли, пропал и след (*пер. с фр. А. С. Пушкина*); цитата из эпиграммы «Старик» французского поэта Клемана Маро.

– Когда инспектор говорил со мной, мне ничего не оставалось, как подтвердить свои слова. Это скверно, потому что вырванные из контекста они звучат зловеще. Но, как говорится, слово не воробей.

– Вот именно, – согласился Фен.

– Но это еще не все. Выяснилось, что джин Эдвина был сильно одобрен нембуталом, а я единственная, у кого здесь был такой препарат.

Фен выпрямился. Издалека донеслась проникновенная и возвышенная музыка. Началась репетиция первого акта. Барфилд затянул: «...я призываю мастеров на сходку...»

Да, неизвестно, какие фантазии могут возникнуть в голове Маджа в связи с этим нембуталом.

– Мне выписывают его от бессонницы, – продолжила Джоан. – Есть рецепт.

– Но то, что у вас есть нембутал, еще ничего не значит.

– Вся беда в том, – сказала Джоан, – что изрядное количество его пропало. Несколько десятков капсул.

– Откуда пропало?

– Из вон того ящика.

– Вы хранили лекарство здесь?

– Нет. Просто несколько дней назад положила в ящик и забыла. В последнее время я спала хорошо, и лекарство не было нужно. А когда сегодня хватилась, больше половины нет.

– Вы что, гримерную не запирали?

– Запирала, но не всегда. Здесь у меня нет ничего особенно ценного.

– Тот, кто украл лекарство, должен был знать, что оно у вас есть.

Джоан усмехнулась:

– Об этом наверняка известно половине труппы. Вы знаете Аделу Брант, которая поет Магдалену? – Фен отрицательно покачал головой. – Она заходила как-то ко мне и видела нембутал. Этого достаточно. Не сомневаюсь, что она тут же принялась нашептывать всем: «Вы представляете, Джоан принимает нембутал. И держит его у себя в гримерной. Говорят, что это наркотик...» В общем, что-то в этом роде.

– Да, – задумчиво проговорил Фен, – в актерской среде такое бывает. Но тут не за что зацепиться. Неужели Мадж всерьез подозревает вас в убийстве Шортхауса?

– Ну до этого, я думаю, дело не дошло. – Джоан глубоко затянулась сигаретой. – Мне показалось, что он считает смерть Эдвина самоубийством. С другой стороны, нембутал в его бутылке с джином противоречит этой версии.

– И что за мотив мог быть у вас для убийства?

Джоан вздохнула:

– Целых два. Бескорыстный и корыстный. Первый – желание спасти постановку, второй – спасти Джорджа.

– Какого Джорджа?

– Джорджа Пикока, дирижера. – Она посмотрела на Фена: – Профессор, что мне делать?

– Ничего.

– Но я должна что-то предпринять. Нельзя, чтобы обо мне подумали...

– Пусть они думают все, что им нравится. А вы не переживайте. Выдвигать против вас обвинения – это такой же абсурд, как изобретение Бленкинсопа.

– А кто это?

– О, мистер Бленкинсоп мой любимый трагикомический персонаж из истории. Он жил в эпоху, когда железные дороги, поезда, локомотивы существовали только в теории. Так вот Бленкинсоп, считая, что локомотивы будут пробуксовывать и не смогут двигаться по рельсам, предложил модель паровоза с зубчатыми колесами. Представляете? – Фен загасил сига-

рету. – И учтите, у Маджа против вас нет абсолютно никаких доказательств. Если даже на разбирательстве у коронера присяжные вынесут вердикт, что это было убийство, инспектор суду ничего предъявить не сможет.

– То есть я зря запаниковала, – заключила Джоан. – Ладно, не будем об этом. Вы сказали, что хотели со мной поговорить.

– Да. Подробнее узнать о Стейплтоне и Джудит Хайнс.

– Тут особенно нечего рассказывать. Они любят друг друга. Он композитор. Сегодня утром я просмотрела черновик вокальной партитуры его оперы.

– Мадж ее вернул?

– Да. Партитуру нашли в квартире Эдвина.

– И какое впечатление?

Джоан поморщилась:

– Честно говоря, не очень. Но он молод, и главные свершения у него впереди. Композиторский талант у некоторых в полную силу проявляется не сразу. Да мне сейчас трудно судить о чьей-то музыке, когда голова полна «Мейстерзингерами». Как говорил Пуччини: «Иногда мне кажется, что по сравнению с ним мы только тренькаем на мандолинах». Это он о Вагнере.

– А Уолтер Тернер считал лучшей оперой Вагнера «Летучий голландец». – Фен попытался напеть первые такты увертюры. – Что касается «Мейстерзингеров», наверное, еще только «Генрих IV» Шекспира так прославляет величие и благородство человека. В отличие от «Макбета» или «Девятой симфонии» Бетховена, где речь идет о богах. – Он помолчал, а потом, как будто спохватившись, произнес: – А что там было у Шортхауса с Джудит Хайнс?

– Эдвин имел на нее определенные виды, – отозвалась Джоан. – Далеко не благородные.

– И были инциденты?

– Были, – призналась Джоан. – Но я не хочу об этом говорить, потому что обещала...

– Я думаю, в данной ситуации обещание можно нарушить. Надеюсь, это никак не опорочит молодую девушку?

– Нет... но все же...

– Понимаете, Шортхаус мертв, но существует угроза жизни еще кое-кому.

– Вы серьезно?

– Абсолютно.

– Но они не имеют отношения ни к чему такому.

– Наверное, нет, но в данном деле важна каждая мелочь.

Джоан колебалась недолго.

– Не так давно я застала Эдвина в его гримерной, сильно пьяного, когда он пытался изнасиловать Джудит. Я видела своими глазами, как он стаскивал с нее платье. Бедная Джудит, сколько страдания было на ее лице. Пришлось вмешаться.

– И каков был результат? – с интересом спросил Фен.

– Схватила его за воротник и стукнула по голове. Он повалился на спину и заснул.

– Превосходно.

– Потом Джудит умоляла меня никому об этом не рассказывать. Говорила, что ей будет очень неудобно перед людьми. Пришлось обещать.

– Но Стейплтон об этом узнал?

– Да. Ему она рассказала. На следующий день он подошел ко мне с благодарностями. Вид у него был довольно странный. Думаю, он весь кипел от гнева. – Она замолкла. – Теперь, полагаю, в вашем перечне мотивов появился еще один.

– Знаете, я что-то подобное подозревал. – Фен достал свой золотой портсигар, предложил сигарету ей, сам закурил. – Как вы провели вечер, когда погиб Шортхаус?

- Мы посидели в баре, а потом я пошла к себе в номер. Это было в начале десятого.
- То есть алиби у вас нет.
- Как видите.

– И вы могли никем не замеченная выскользнуть из своего номера и через задний выход отеля пробраться в театр, в гримерную Шортхауса и подвесить его в петле на веревке, прикрепленной к крюку в потолке.

– Запросто.

Фен кивнул:

– А что вы делали сегодня после ланча?

– Зачем вам надо это знать?

– Есть причина, – дружелюбно отозвался Фен. – И весьма основательная.

– Вы заставляете меня нервничать. Я сейчас начну рассказывать и что-нибудь со страха перепутаю, а вы засадите меня в тюрьму за то, чего и в жизни не делала.

Фен встрепенулся. От тепла электрического камина его потянуло в сон.

– Ничего страшного. Посидите немного, а потом разберутся и выпустят.

Они посмеялись.

– Ну и чем вы занимались?

– После ланча, – начала Джоан, – я написала несколько писем в комнате отдыха отеля. Там были люди, довольно много, они могут подтвердить. Где-то в четыре появился Карл, и я пригласила его на чай. Потом пришел инспектор. Пил с нами чай и расспрашивал.

– А больше никого из участников спектакля вы не видели?

– Нет. – Она задумалась. – Хотя приходила Элизабет. Побyla с нами несколько минут. Это было уже после ухода инспектора.

– О чем шел разговор?

Джоан пожала плечами:

– Ни о чем определенном. Так, обычная болтовня. Впрочем, перед самым уходом она вдруг объявила, что знает, кто убил Эдвина.

– Ну, наверное, это была шутка.

– Возможно. Карл ушел вскоре после нее, поднялся наверх поговорить с Джорджем, а я допила чай и вдруг вспомнила, что не сказала Элизабет о сегодняшней репетиции. Решила зайти к ней. Дверь была не заперта, в номере никого не было.

«Надо же, – подумал Фен, – тот, кто напал на Элизабет, не потрудился запереть за собой дверь. Какая оплошность. Конечно, если нападавшей не была сама Джоан».

Профессор внимательно посмотрел на нее.

А что, она вполне способна это сделать. Да, оперная дива, шарм и так далее, но за всем этим просматривается твердость и решительность. Но, с другой стороны, именно такие качества свидетельствовали против версии о виновности Джоан. Тот, кто напал на Элизабет, действовал необдуманно и как будто в панике.

– Я окликнула Элизабет, – продолжила Джоан, – но она не отозвалась. И все же мне показалось, в номере кто-то есть. Ощутилось какое-то движение. Я прислушалась и решила, что это в соседнем номере.

– В ванную комнату вы не заглядывали?

– Нет. Дверь была полуоткрыта, но я проверять не стала. – Она испытующе взглянула на Фена: – Профессор, скажите, с Элизабет что-то случилось?

– Пока нет. Но сегодня днем ее дважды пытались убить. Примерно в то время, когда вы заходили к ней в номер. Так что ваши наблюдения очень важны.

Джоан была потрясена.

– Убить Элизабет? Но почему?

Фен пожал плечами:

– Не знаю. Но давайте продолжим. Вы оставили на столе записку и что дальше?

– Записку? – недоумевающе спросила Джоан. – Ах да, конечно. Я написала записку, а потом пошла в театр. Вот и все.

– По пути в номер Элизабет и обратно вы кого-нибудь встретили?

– Кроме горничных, никого.

Фен представил, где мог скрываться нападавший. Скорее всего в туалете. Дальше по коридору совсем недалеко находится номер Пикока. А что, если злоумышленник вышел оттуда?

Фен отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи. Единственную новость, какую ему удалось получить из беседы с Джоан – что инспектор Мадж разрабатывает свои вздорные версии.

Он решительно поднялся на ноги.

– Ну как, я сдала экзамен? – спросила Джоан.

Фен улыбнулся:

– Да. На отлично.

Она выключила камин.

– Тогда пойдемте.

Глава 15

– Мне вдруг вспомнилась постановка «Саломеи» Рихарда Штрауса, – проговорила Джоан, когда они спускались по лестнице. – Я там пела заглавную партию. Это было довольно давно, когда у меня была хорошая фигура.

– У вас и сейчас прекрасная фигура, – совершенно искренне заметил Фен.

– Дело в том, что я была первой Саломеей, представшей перед мужской частью публики в том образе, какой они бы желали увидеть в «Танце семи покрывал» перед царем Иродом. Одежды на мне было тогда меньше, чем на любой из «девушек Уиндмилл»¹⁸. Но речь не об этом. Ирода пел Эдвин. – Джоан передернула плечами. – Насупившись, он сопротивлялся моим чарам, с обнаженным телом, грузный, толстый, совсем не соответствующий человеку, который долго жил в пустыне, питаясь диким медом и саранчой. Вы знаете, он мне был так отвратителен, что я едва сдерживалась. А когда он запел «Позволь коснуться поцелуем твоих губ», а потом прижался, меня едва не вырвало. Но я достаточно крепкая, и это все же происходило на сцене, а теперь представьте, что должна была чувствовать несчастная Джудит.

Девушка была легка на помине. Она сидела рядом с Элизабет в партере. Они подошли. На сцене репетиция шла как по маслу. Адам, исполняющий арию Вальтера на песенном состязании, не отрывал глаз от своей жены, к неудовольствию Резерстона. Первый гобой так и не появился, и Пикок у дирижерского пульта периодически напевал его партию своим глухим приятным голосом. При этом атмосфера царила более доброжелательная, чего не было до этого ни на одной репетиции. Вот так, достаточно одному из исполнителей отправиться в мир иной, как остальные ожили.

Джоан села рядом с Джудит.

– Извините, но мне пришлось нарушить обещание. Я рассказала профессору Фену об инциденте с Шортхаусом.

Девушка повернула к ней осунувшееся лицо:

– Ничего страшного. Борис знает, и я рассказала об этом мистеру Лангли. Впрочем, сейчас это уже не имеет значения.

Они замолкли.

Сидевший рядом с Элизабет профессор Фен наклонился к ней:

– Вы давно знакомы с Эдвином Шортхаусом?

– Примерно столько же, сколько с Адамом, – ответила она. – Эдвин, как говорится, положил на меня глаз и был очень недоволен, когда я вышла замуж за Адама. Первое время он вел себя ужасно. Адама просто возненавидел.

– Неужели?

– Да, именно возненавидел. Другого слова не подберешь.

– И так продолжалось до самого конца?

– Нет, – произнесла Элизабет со вздохом. – В конце прошлого года он неожиданно перед Адамом извинился, когда они вместе участвовали в постановке «Дона Паскуале». – Она подробно рассказала, как это произошло. – Адам счел извинение неискренним, но с тех пор их отношения стали терпимыми.

На сцене тем временем Вальтер закончил свою песнь, и городской писарь Бекессер принялся беспощадно разносить его исполнение в пух и прах. Мастера, за исключением Сакса, поддержали писаря, неодобрительно качая головами. Нельзя нарушать правила, даже такому молодому. Из-за кулис появилась уборщица с ведром и шваброй, но ее попросили уйти.

¹⁸ Уиндмилл – лондонский театр-варьете.

Джудит повернулась к Джоан:

– Меня ужасно беспокоит Борис.

– А что такое?

– Он болен, но не хочет показаться врачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.